

20 коп.
Индекс 71121
ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
68
9

СВИДАНИЕ С ПРИРОДОЙ

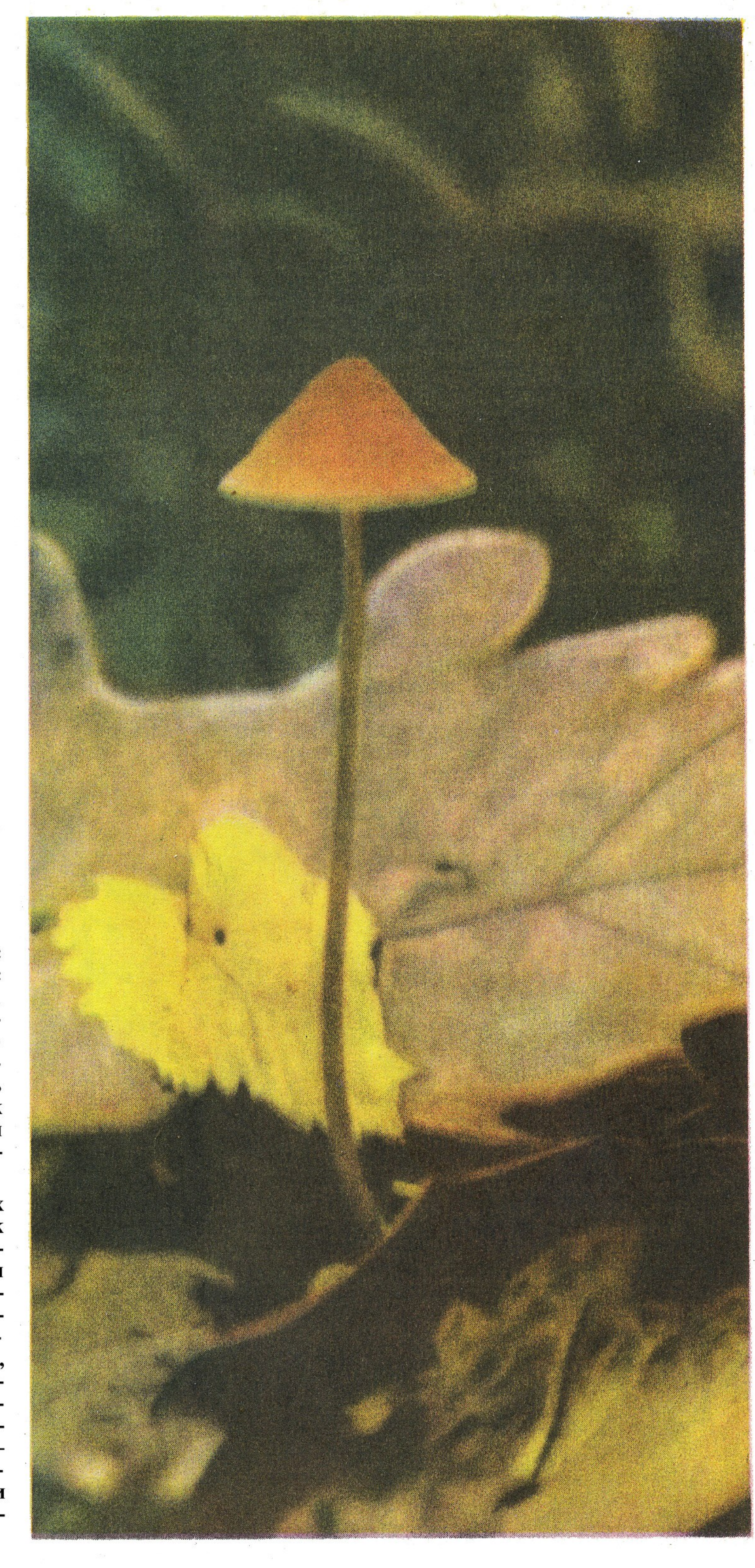

Я не думал раньше, что столько ребят в поселке. Целое шествие по деревянным тротуарам к школе. Мягко пружинят высохшие до звона уличные половицы и будто поют радостную песню. А ребята все идут и идут. И ты в этом шествии. Такой же важный и такой же праздничный. И цветы, цветы. Кажется, что в первый день осени вернулись майские праздники — так много вокруг цветов.

Ты тоже несешь свой букет учителю. Самому большому и дорогому человеку. Тому, кто научил тебя выводить на тетрадной странице в косую линеечку первые буквы и слова, с кем посадил ты возле школы свою красавицу березку, кто открыл для тебя безграничную широту и богатство нашей ,Родины, кто ведет тебя от ступеньки к ступеньке по нелегкой лестнице знаний. И какой мерой измерить твое чувство благодарности к учителю за сердечную заботу, радушие и теплоту!

Первый урок всегда шумный. Жалко расставаться с летом. Никак не совладать с обилием новых маленьких открытий и радостей, что подарило оно. Хочется все сразу выложить соседу по парте, но не успеешь удивить его самой малостью, как чувствуешь на себе строгий взгляд учительницы, — остается ждать перемены.

В перемену в школьных коридорах переходят из рук в руки летние сувениры. Коричневая, с терпким запахом смолы кедровая шишка, обязательно из знаменитых алтайских кедровников; огромная морская раковина, прислонишь ухо — и донесется далекий шелест зеленой волны; причудливо изогнутый сосновый корень — вылитый старик лесовик; бусы из ракушек, фотографии лесных диковинок — ело-

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 68 • 9

Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

вом, целый сувенирный набор. Пройдет оживление первых встреч с однокашниками, и все эти сувениры переедут на полки школьного музея.

Давно уж замечено, что лето — самое короткое время года. Не увидишь, как пролетит. Но долго, ой как долго до крепких, колючих морозов; нет-нет да возвратит вдруг память то желтый, как солнце, песок на быстрой речке, то черные крылья ласточек над самой дорогой во ржи и далекие раскаты грома у синего горизонта. А то дождливым осенним вечером выйдет к тебе самый большой за все лето боровик — и зашумят на ветру березы, зашепчутся травы, закружится прошитый птичьими трелями лес.

Долго хранит память летние встречи, и ты понимаешь, что иначе быть не может, — не проходит для человека даром сокровенное свидание с природой, что-то оставило оно в душе, чему-то научило тебя, сделало мудрее и проницательнее. И плохо тому, кто возвращается с этого свидания с пустым багажом в душе.

Помнится, в детстве каждое лето отправляли меня к бабушке под Иваново, в глухую деревеньку. Мне там нравилось и не нравилось. Приятно было пропадать целыми днями на реке, ловить "руками вертких пескарей под мостом, сидеть в ночном у костра и слушать таинственные шорохи в лугах. Только вот лес был далеко, за четыре, после нашей, деревни. Нам, малышам, ходить в такую даль было накрепко заказано. С какой жалостью смотрели мы вслед парням и девчатам, когда наступала грибная страда! О том, что пошли грибы, первым узнавал дед Ефим. Высокий, жилистый, гордо проходил он вдоль деревни к Новоселковской дороге. По свежевыстиранной рубахе навыпуск, по новому, блестевшему от лака чересседельнику, перехватывавшему деда в поясе, мы знали: Ефим отправился в лес. Возвращался он всегда с полными корзинами и при нас на завалинке перебирал светло-коричневые подберезовики, липкие, увитые травой маслята, тугие, крепкие рыжики. Не помню сейчас, кто спросил однажды деда, почему он надевает по грибы все новое.

— А как же вы думаете,— ответил тогда Ефим, — почитай, год мы не виделись. Как же это я к нему, к лесу-то, неряхой пойду. Нет, на свидание с ним надо идти в чистой рубахе.

Сколько же восторга, благоговейного преклонения перед родной природой было в этих словах! Да, если и ты в школьные каникулы также вот ходил на свидание с природой, оно подарило тебе многое.

Наблюдательность. Правильно говорят: поверхностный взгляд хуже слепоты. Сколько ни проходи знакомой поляной, все кажется, что вокруг только белая кипень ромашек. Но остановишься однажды — и будто кто-то невидимый осветит поляну необычным светом. Среди белых головок ромашек тянутся к солнцу синие чашечки колокольчиков, нет-нет да и мелькнут желтые огоньки зверобоя, а совсем рядом молодцевато выставит свои шлемы ятрышник. В зеленом сумраке ельника донесется до тебя тоненький посвист. Оглянешься — пусто кругом. Но снова посвист, будто комар завис над ухом. И с каким трудом разглядишь на еловой ветке малюсенького королька-оливка. Пойди заметь его, когда он меньше стрекозы.

Любознательность. Свидание с природой как новая книга. Листаешь, листаешь страницы и все ждешь: что там, впереди? И чем дальше, тем больше хочется узнать.

В первый раз лес оглушит птичьим оркестром, так И хочется стать лесным дирижером. Но какой из тебя дирижер, если всех солистов не знаешь. И стараешься разобраться в звуках, заполучить в руки заветную дирижерскую палочку. Проходит время — и вот.

— Тиль-фюль-тиль-фюль!— будто ссыпает в родник камушки пеночка-теньковка.

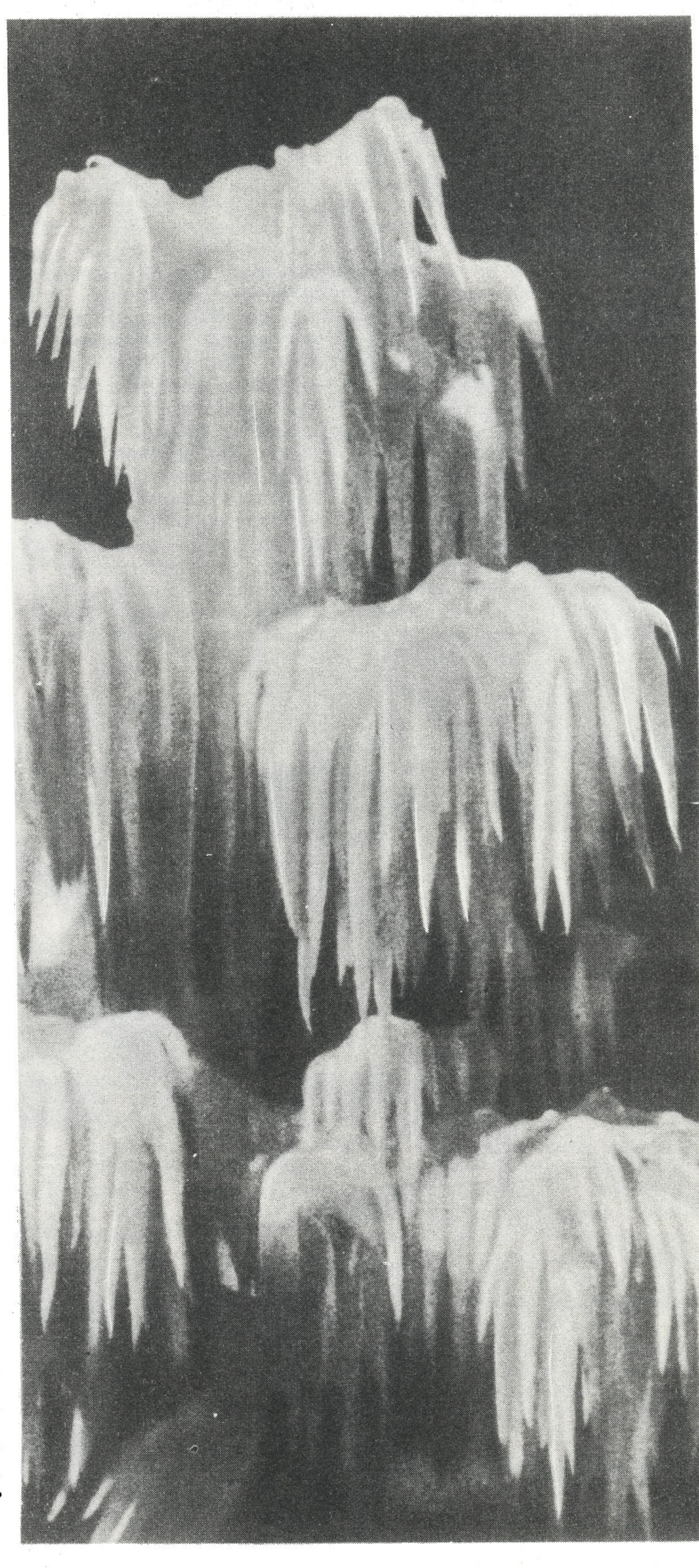
— Пти - пти - пти • питьгвря! — вторит ей откуда-то с березы зяблик.

— Пи-и-ить, пй-и-ить! — жалуется лесная канарейка.

— Ти-тэ-рэ-рэ, ти-тэ-рэ... — озорно подхватывает хохлатая синица. И над всем этим раскатисто разносится то звонкий, то скрипучий перебор дятла. Теперь ты дирижер. Теперь ты перевернул еще одну страницу увлекательной книги природы. А дальше новые встречи, новые поиски ответов на загадочные «как?» и «почему?».

Детские впечатления самые крепкие, они остаются на всю жизнь, составляют тот первоначальный багаж, которому школа и институт только прибавляют весу. И если свидание с природой научило тебя удивляться окружающему, заставило мучительно и нетерпеливо стремиться проникнуть в тайное тайных, кто знает, может, оно стало той маленькой тропкой, которая обязательно приведет тебя к большой дороге науки.

А разве самоотверженности, жажде жизни не научило тебя летнее свидание? Вспомни песчаную отмель на реке. Как только успел перепрыгнуть, не споткнулся о корявую ветку тальника. После половодья осталась

она здесь, под жарким солнцем. Но прошло время — и откуда такая тяга к жизни? Зацвела на голом песке, выбросила клейкие ростки, пустила белые, пока еще слабые корни. Не удивишься потом, когда увидишь среди воды густые заросли краснотала. А разве не поражала тебя отвага и самоотверженность мелких птах, с тревожным криком гоняющихся за ястребом, чтобы прогнать его подальше от гнезд, где широко раскрывают желтые клювы птенцы?

Теплый след в твоей душе оставило летнее свидание. И из года в год все четче и явственней становиться ему. Потому что нет ничего выше светлой восторженности жизни, милой прелести очарования родной земли. И ты благодарен чародейке природе за то, что подарила тебе частицу своей доброты, проникновенной и мудрой доброты вечного цветения, крепости, силы.

Летнее свидание. Оно подарило тебе и радость труда. Особенное, светлое было для тебя это лето. Ты готовил свои подарки старшим братьям-комсомольцам к их славному юбилею. И на торжественной пионерской линейке, посвященной пятидесятилетию родного Ленинского комсомола, ты отдашь рапорт о добрых полезных делах. О зеленом наряде улиц и поселков, в котором есть твои березы и клены, о молодых сосновых борах, что вырастили на лесных пустошах твои заботливые руки, о красном пламени гвоздик и тюльпанов, которое ты зажег у памятников и обелисков героям-комсомольцам, о парках, скверах, аллеях, цветниках, украсивших землю нашу в славный год пятидесятилетия ВЛКСМ.

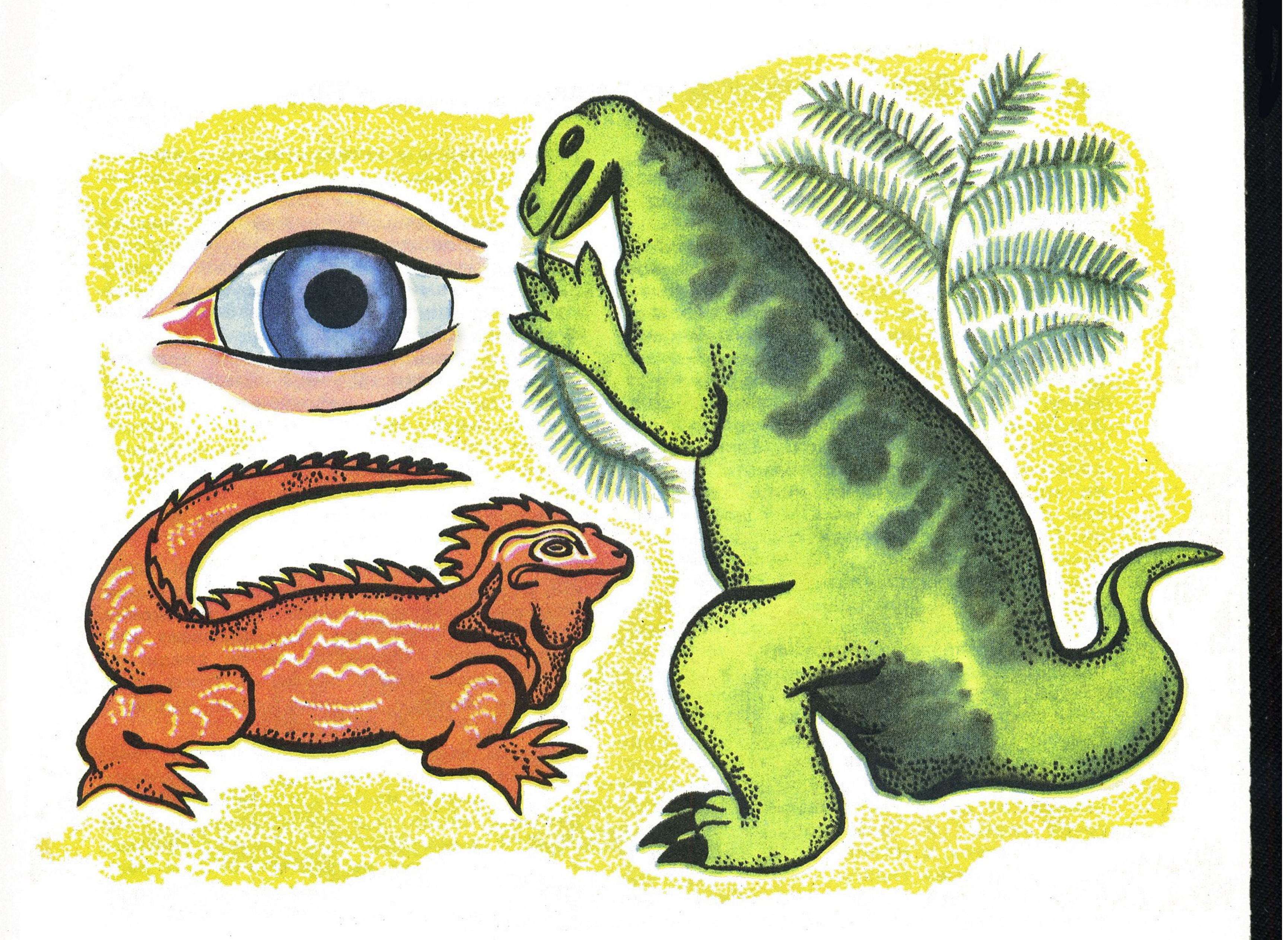
Есть у студентов «третий семестр» — время летних работ в полях и на стройках. У тебя тоже был свой «третий семестр» — самый длинный урок, урок доброты. И приятно сознавать, что не прошел он даром, что и ты оставил о себе добрую память.

По всей стране нашей прозвенели школьные звонки.

С новым учебным годом тебя, юный друг! С первым уроком и первой отметкой в классном журнале!

Пусть же этот урок, как и урок доброты, подаренный природой, останется с тобой на всю жизнь!

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

К перрону вокзала медленно подходил поезд. Огромный красный электровоз, постукивая колесами на стыках, замедлял ход. Следом за ним, извиваясь, тянулись красивые темно-зеленые вагоны с широкими, чисто вымытыми окнами. А к их стеклам прильнули белые раздавленные носы ребят и — глаза, глаза: черные, серые, голубые, зеленые. Словно фантастический чудовищный зверь, поезд смотрел на город тысячью внимательных глаз.

— Тысячеглазка, — сказал кто-то в толпе встречающих.

И это была правда. Поезд очень походил на червячков турбеллярий, тело которых спереди окаймлено вереницей крохотных, почти микроскопических, глаз. И полз он тоже, как червяк, — медленно и плавно извиваясь.

Глаза — очень важные органы чувств. Не удивительно, что у многих животных они насчитываются десятками, а иногда и сотнями. На Земле почти нет живых организмов, безразличных к свету. И неважно, что у некоторых из них отсутствуют глаза. Присмотритесь внимательно к таким животным, и вы всегда найдете какой-нибудь орган, с успехом заменяющий глаза.

У маленьких морских животных ланцетников, формой тела напоминающих лезвие скальпеля, видит сам мозг. Вдоль всей нервной трубки (мозга ланцетника) раз-

бросаны светочувствительные клеточки. А так как тело у ланцетника прозрачное, то он прекрасно отличает свет от темноты. Большего ему для жизни и не нужно.

У дождевого червя тоже нет глаз, зато в его коже масса светочувствительных клеток. С их помощью он легко улавливает самые незначительные изменения освещенности, которые человек заметить не может. Вот из этих разбросанных по всему телу светочувствительных клеточек и возникли в процессе эволюции глаза. Сначала это были просто пятнышки, скопления светочувствительных клеточек. Такие глаза хорошо отличали свет от темноты, но еще не могли улавливать источник света. Затем появились глаза-ямки и глаза-пузырьки. Они уже улавливали свет, но идущий только с одной стороны — перпендикулярно к отверстию глаза. Постепенно органы зрения усложнялись, и, наконец, возникли наши глаза, способные разобраться в запутанном кружеве неразборчивого человеческого почерка и уловить тончайшие оттенки цвета. Усложнялся и мозг животных. Ведь глаз — это лишь световоспринимающее устройство, вроде фотоаппарата. «Видит» же только мозг. Это он преобразует информацию, полученную от тысяч светочувствительных клеточек глаза, в замысловатые картины. Именно здесь, в мозгу, проявляются снимки, «сделанные» глазом.

Понятно, что животные, обладающие примитивными глазами, должны иметь их помногу. Иначе не проживешь. Но чем органы зрения совершеннее, тем их меньше. Существуют животные, у которых всего один глаз. Это веслоногие рачки — циклопы, названные так в честь мифических одноглазых великанов древней Греции. Они вполне обходятся единственным лобным глазом.

Ну, а сколько же все-таки глаз иметь целесообразно? Ответить на этот вопрос не просто. Количество необходимых животному глаз зависит от его совершенства, образа жизни. Видимо, в этом отношении можно смело положиться на природу. В процессе эволюции каждый вид животных приобрел столько глаз, сколько ему необходимо. Можно думать, что для позвоночных животных, имеющих сложно устроенный, высокоразвитый мозг и совершенные глаза, а также и для человека вполне достаточно трех. Да-да, трех! Не удивляйтесь! И у рыб, и у земноводных, и у пресмыкающихся, и даже у млекопитающих, и у каждого из нас с вами по три глаза. Только о существовании третьего глаза мы обычно забываем, а то и просто не знаем. И не мудрено: лишний глаз расположен у человека в глубине мозга и окружен со всех сторон различными отделами, так что снаружи его, конечно, не видно. Он называется даже шишковидной железой.

Таинственный глаз невелик. У человека он весит всего 0,1—0,2 грамма, а по устройству очень напоминает обычный, только сильно атрофированный. Снаружи у него есть хрусталик. А внутри — стекловидное тело, подобие сетчатки со светочувствительными клетками, и остаток сосудистой оболочки. От глаза, как и полагается, отходит нерв.

Очень удивились ученые, когда около ста лет назад его впервые обнаружили. Высказывались различные предположения. Было непонятно, что высматривает этот глаз в мозгу. Может быть, он следит за его работой? Или с помощью этого глаза человек видит, осознает свои мысли и чувства?

Позже выяснилось, что третий глаз имеется у всех позвоночных животных. У большинства из них, например у лягушек, он находится в коже на вершине черепа, а у ящериц — сразу под кожей. У игуан, крупных южноамериканских ящериц, глаз закрыт прозрачной чешуей, а у гаттерий лишь прикрыт тонкой прозрачной пленкой. Значит, он может видеть!

Опыты подтвердили, что третий глаз действительно реагирует на свет, даже может различать цвета. А это уже очень много: ведь обычные глаза многих животных цвета не различают. Даже наши верные друзья-собаки и те видят мир черно-белым.

Гаттерии — древние существа, можно сказать, живые ископаемые. Они уже жили в ту отдаленную эпоху, когда землю населяли исполинские ящеры. «Вероятно, — подумали ученые, — в те далекие времена они и другие живые существа широко пользовались для зрения третьим глазом». Предположение подтвердилось. Палеонтологи, изучающие вымерших животных, давно обращали внимание на непонятное отверстие в верхней части черепа гигантских ящеров. Оно оказалось третьей глазницей и по размеру только слегка уступало боковым. Теперь уже не было сомнения: в древности животные смотрели на мир

тремя глазами. Разве не удобно, прежде чем вынырнуть из воды, приблизить к ее поверхности голову и поглядеть третьим глазом, что там на белом свете творится? Такая осторожность не лишняя ни для грозных хищников (как бы не удрала добыча), ни тем более для их жертв.

Но зачем третий глаз современным животным? Скрытый кожей у большинства из них, он, конечно, видеть не может. Но если бы он был совершенно не нужен, то не сохранился бы, как не сохранились задние конечности у китов. Ученые хорошо знают, что органы, потерявшие значение для животных, исчезают очень скоро. А раз не исчез третий глаз, значит он для чего-то нужен и современным животным. Но для чего?

Вскоре выяснилось, что у холоднокровных животных он выполняет роль термометра. Эти животные не умеют поддерживать на одном уровне температуру собственного тела. Они могут только немного ее регулировать, прячась днем от палящего солнца, а в холодные ночи от мороза. Но прятаться, когда тело сильно нагрелось или слишком охладилось, поздно — недолго получить тепловой удар или замерзнуть, Оказывается, третий глаз и служит для измерения наружной температуры и заранее предупреждает животных, что пора прятаться. Ведь для тепловых лучей кожные покровы животных не преграда.

Однако у третьего глаза есть и другие функции. У амфибий он регулирует цвет кожи. Если головастиков минут на 30 поместить в темную комнату, кожа у них заметно посветлеет. Но когда головастикам удаляют третий глаз, они теряют способность изменять цвет своей кожи. Как выяснилось, третий глаз способен вырабатывать особый гормон — мелатонин, который вызывает посветление кожи. На свету выработка этого гормона тормозится.

Но и это еще не все. У птиц и млекопитающих, и особенно у человека, третий глаз так глубоко спрятан внутри черепа, что служить для измерения наружной температуры, конечно, не может. Да это теплокровным и не нужно. Зачем же тогда человеку третий глаз?

Сейчас во многих лабораториях мира проводятся опыты. Головастики натолкнули ученых на мысль, что третий глаз у высших животных вырабатывает какие-то гормоны. Действительно, молодые крысята, у которых удален третий глаз, быстрее растут и становятся крупнее, чем их сородичи. Оперированные цыплята скорее становятся взрослыми. Нашли гормон, который регулирует обмен воды в организме.

Опыты продолжаются. Вероятно, немало сюрпризов подарит нам этот таинственный и все еще плохо изученный орган.

Б. СЕРГЕЕВ,
кандидат биологических наук

Седые туманы Ладоги

Если оставить вечерний Ленинград, пылающий на заре своими куполами и шпилями, и с Финляндского вокзала унестись на электричке к Ладоге, а потом от Ваганова все идти и идти по мягкой дороге под теплыми звездами, под гусиным Гоготанием и стоном, то распахнутся леса, заблещет серебром огромное озеро, закачает на себе звезды, тихие вечерние облака, рыбацкую лодку, идущую к берегам. Ты ступай к рыбакам в прибрежную деревню Коккарево, сходи с ними в озеро, а в сухой просторной избе в тихий час наслушайся рассказов о ходе тяжелых лещей по подводным увалам, о сладкой лесной медунице и о братских могилах под высокими шумящими соснами.

Не верится, что по этим спокойным мягким волнам в ту далекую страшную осень сорок первого года, когда замкнулись створы блокады и фашисты с юга и с запада сжали Ленинград в голодном кольце, — не верится, что тогда в гудящем и пенном озере шли корабли Ладожской военной флотилии, самоходные баржи везли зерно и снаряды, а обратно, к Большой земле, раненых и голодных и из низких туч в блеске кабин и моторов выпадали фашистские пикировщики и, стреляя из пулеметов и пушек, низко шли над водой, бомбя караваны. И зенитки конвоя ухали среди пляшущих волн, и бомбардировщик с крестом падал огненным комом, и горела, отражаясь, баржа, спекалось в трюмах зерно, и озеро выплескивало на берег черно-золотые блины бескозырок.

Не верится, что по этим синим спокойным водам, перевитым разводами ветра, в ту страшную далекую зиму проходила «Дорога жизни» — тонкий ледовый путь, по которому днем и ночью тянулись вереницы машин, и тяжелые снаряды ухали гулко под лед, подымая к тучам тугие фонтаны, а шоферы вели машины в водяной жиже, объезжая воронки и погибших товарищей. Бьющаяся насмерть Россия посылала своим сыновьям в Ленинград хлеб, и город топорщился батареями, о которые разбивались атакующие дивизии фашистов.

В озеро мы вышли с утра. Коккаревский парень Антон Яковлев сидел на руле, прижав к бедру отшлифованную деревянную ручку. У ног его грохотал новый шестисильный двигатель, голова звеньевого маячила на носу, окаймленная белой пеной, и я чувствовал, как солнце вырывает из озера и лепит на лоб, на щеки, на раскрытую грудь горячие огни.

Длинный остров с мотающейся гривой кустов тянулся справа. Утки плавали черные на дымном серебре. Они взлетали и тянули над самой водой, оставляя в ней пенный след, огибали остров и снова плюхались в воду. Два селезня косо падали сверху на лодку, горя изумрудными шеями. Они отвернули, сгибая крылья, и черными тенями канули в тростниках.

— Чего еще надо? — говорил мне Антон сквозь грохот двигателя. — Богатства? Славы? На что! Лодку мне поновей да покрепче. Мотор помощней. Снасть капроновую, самую новую. Прорыбачу всю жизнь. Люблю, чтоб аж лодка гудела, когда дашь полный газ против ветра, чтоб аж перемалывало волны в пену. Лещей, судаков, щук люблю, чтоб тянуть тяжело, чтоб едва переваливать в лодку. Коней люблю, гонять их к озеру. Пустишь в ночь, шумят тихо травы, птицы ночные свищут, а они себе гуляют, морды в траву, будто шепчут земле. Еще пахать люблю. Картошку сажали, так шел за конем без устали. Себе отсажали, к тетке Анне пошли. А потом к Ермиловым двинули. Еще люблю топором махать, плотничать. Телятник строили, я крышу решетил, крыл ее дранкой. С крыши далеко видать, озеро блещет. Хороша наша деревня, ничего не скажешь. Леса да лодки кругом. Люблю я, чтоб все было крепко, ладно. Чтоб все снасти починены, просмолены, в лодках ни щелки, моторы исправны. Чтоб люди дружно одно дело делали. Вот этой весной-то в путину. Поставили снасти, а лед нагнало с севера, он и вломился, все порвал, покрошил — просто беда! Дождались, когда немного лед отойдет, выловили ризцы и тут же, промокшие, уселись под дождем их чинить, чтобы часу одного не пропало. И тяжело и холодно, дождь костры заливает, а душа радуется, как народ один к одному сидит у воды и — латают, штопают, чинят.

Остров остался сзади, далекий берег в зеленом воротнике леса тянулся в дымке. Косой клин солнца упал на озеро, а Антон правил лодку в этот дрожащий косяк, расшибая его. Впереди из воды подымались колья. Большая чайка сидела на них.

— Глуши мотор, — крикнул звеньевой.

Антон выключил двигатель. В тишине зазвучали тонкие крики чаек, журчанье и бульканье под водой. Звеньевой плюхнул в озеро якорь.

Лодка плясала у самых кольев, терлась о них бортом. Звеньевой опустил багор и, подцепив в глубине веревку, потянул. Антон цепко ухватил ее, стряхивая приставшую бледную гриву. Они вцепились в веревку и медленно стали тянуть, стоя в прыгавшей лодке. Показался из воды деревянный обруч, оплетенный сетью. Слипшаяся ячея вспыхнула тысячью мелких солнц. Они все тянули, обрушивая в озеро огненные ручьи. Теперь они стояли, окутанные мокрой сетью, и лодка, и обручи, и их фигуры — все было в пламени ярких вод.

Тихо шла сеть наверх, и вдруг лопнула туго, взорвалась с грохотом зеркальная гладь. Пузырь белой пены поднялся и осел, и горящий рыбий плавник ушел в глубину. Снова шлепок. Вода забурлила от сильных ударов, и трескучее серебро металось у них под руками. Люди тянули наверх грохочу-

щий яркий клубок, переваливали его через борт, распускали веревки, и из сети выскальзывало, растекаясь, струящееся месиво, грохотало, подскакивая, бросая вокруг острые длинные капли.

Мы осмотрели еще пять заколов. Улов был огромен. Лодка тяжело осела. У самых бортов лежала уснувшая рыба. Изредка подымались черные в разводах хвосты. Солнце из синего облака рушило на нас могучие потоки света.

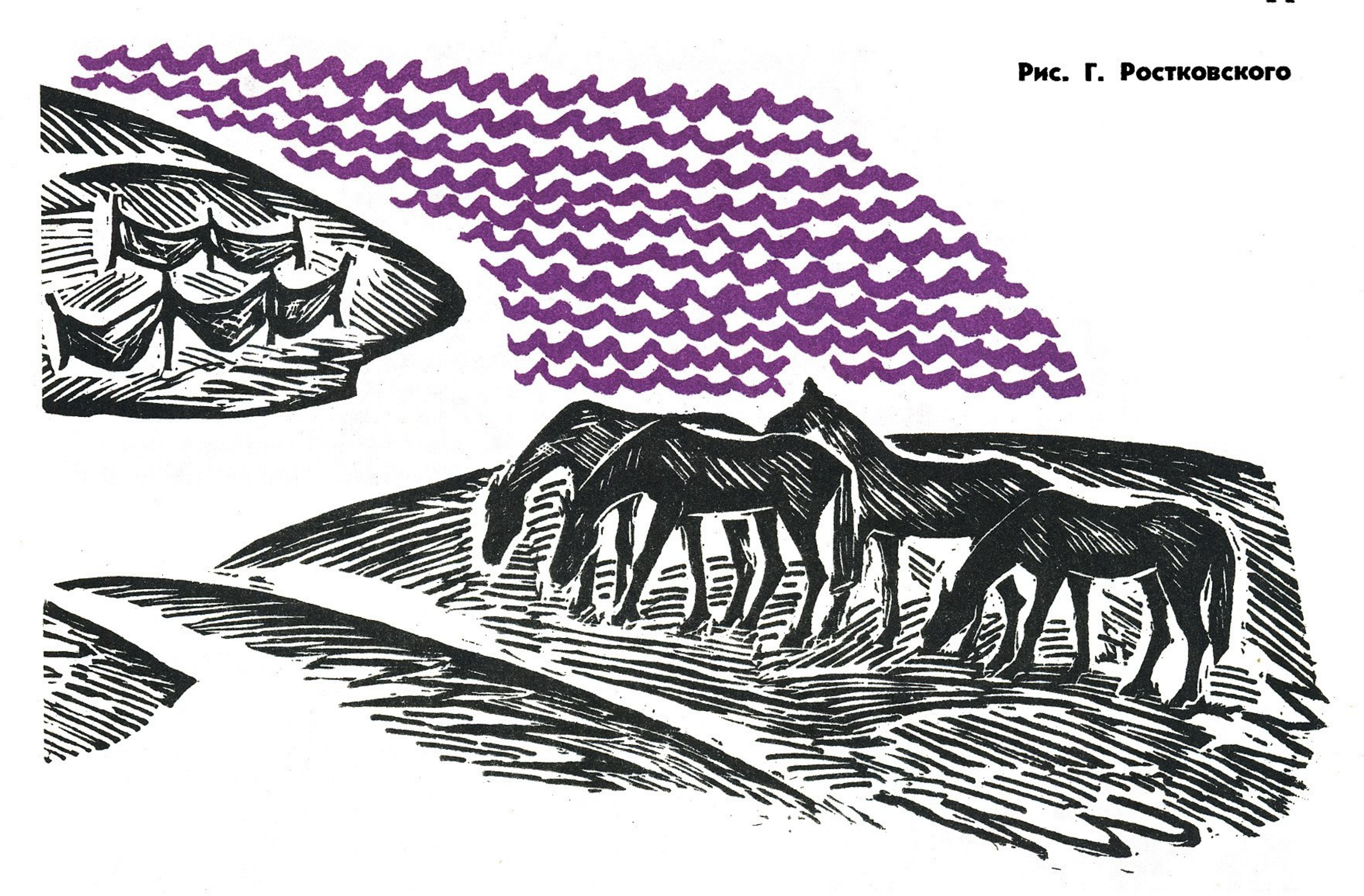
Мы сидим на берегу, в огромном чугуне клокочет уха, белый вываренный лещ появляется и тонет в пузырях. Звеньевой швыряет в пар горсти соли, луковицы, перец, лавровый лист. Мы хлебаем ароматную уху, глядя в сияющее водяное раздолье. Белый теплоход идет мимо нас с музыкой, и кажется, что на нем праздник. Он вышел из Новой Ладоги, обогнул крохотный остров Сухо с маяком и теперь плывет через все озеро в Приозерск. Звеньевой провожает его долгим задумчивым взглядом. Лицо его с глубоким шрамом на лбу туманится памятью тех далеких героических дней.

— Да, — говорит он негромко, — если б немцам удалось тогда закрепиться на Сухо, то «Дороге жизни» конец. А ей конец — и Ленинграду тоже. Вот они и бомбили нас тогда и днем и ночью и из дальнобойных пушек обстреливали. А 22 октября 1942 года решили овладеть самой трассой, выбить нас с острова Сухо и блокировать ладожский путь.

Рано утром, когда осеннее озеро играло молоком и синью, матрос-наблюдатель с суховского маяка сообщил командиру: «Вижу множество всплесков». Через некоторое время уже в бинокль можно было различить 30 немецких кораблей с пехотой и пушками, шедших прямо на остров. Матросская рация передала на Большую землю сигнал тревоги, и разбросанные по озеру корабли Ладожской военной флотилии поспешили на помощь.

Они еще были далеко, а самоходные баржи, полные фашистов, уже громили островные укрепления, охватывая их кольцом. Моряки отвечали беглым огнем. Первым пришел на помощь маленький тральщик под командованием П. К. Каргина. Он ворвался на высокой скорости в скопления кораблей, открыл огонь из пулеметов и пушек. Фашисты были ошеломлены атакой маленького судна. Одна баржа горела, солдаты кидались в воду, выбирались на остров, моряки вступали с ними в рукопашную схватку. В это время наша авиация нанесла по десанту бомбовый удар, и над

Рис. Г. Ростковского

Сухо разгорелся воздушный бой. На горизонте появились колонны военных судов Ладожской флотилии, и неприятель в панике повернул обратно. Его преследовали наши катера и штурмовики. 16 кораблей и 15 самолетов оставили враги у Сухо. «Дорога жизни» была спасена.

Идут по озеру нарядные теплоходы из Старой Ладоги, и рыбак с глубоким шрамом на лбу провожает их задумчивым взором.

Прекрасна и сурова Ладога, когда западные бурные ветры ломают озерные льды и несут их в Неву, и река, вся в сахарных звонких льдинах, гонит их дальше, в Балтику. А над озером уже гулко от гусиных косяков, уже чернеют берега от уток, и робкие медуницы голубеют в прибрежных лесах.

Прекрасна Ладога, когда, ленивая, млечно-серебряная, колышет огромную, белую, на всю ночь, зарю, и тысячи цветов по лугам тянутся к светлому небу.

И осенью, когда студеным своим дыханьем сдувает золотое убранство лесов, и они оголяются, и пугливые лоси выходят и нюхают холодную воду, и рыдает в облаках косяк журавлей.

А зимой сметает снег с озера, и лед взбухает зелеными пузырями, сполохи мечутся в стынущих небесах, и лисы справляют на льдах свои свадьбы.

Прекрасна весенняя путина на Ладоге, когда озеро вздувается густой синевой, сыплет огни. Лодки, черненя бортами, стуча моторами, выгнув белые паруса, подходят к деревне. Женщины, ребятишки бегут на берег. Пена летит от весел. Падают паруса с тонких мачт. Рыбаки выскакивают с плеском в мелкую воду, вытягивают ладьи, рыба тускло блестит. Выносят на берег снасти, растягивают их по траве, по деревьям, по шатким заборам, и вся деревня лежит. опутанная ячеей, как огромная рыба.

Тут, по хрупкому льду, шла судьба и сила России. Миллионы горячих рук тянулись сюда, в воюющий Ленинград, и город в зарницах бомбежек принимал хлеб и снаряды, наполняясь гневом и силой, сжимаясь в кольце фронтов, как разящая стальная пружина.

Выйди к вечерней Ладоге, прислушайся к плеску волн, к шуму ветра в сосновом бору, и ты услышишь песни тех далеких пламенных лет, и снова пойдут в студеных просторах корабли, пушки заблестят на носу, забьется по ветру флаг, как маленький жаркий огонь в седых осенних туманах.

А. ПРОХАНОВ

Светлые дни стали короче, прохладой потянуло с севера. Ароматная сырость до полдня стоит в густых садах. А по ночам идут затяжные дожди. Наступило время напряженной юннатской работы.

Много дел у друзей природы. И везде надо успеть, везде нужен заботливый хозяйский глаз. Приближается знаменательная дата — 50-летие Ленинского комсомола. Пионеры тщательно готовятся к ней. Разбивают скверы, озеленяют города и поселки, высаживают вдоль дорог лесные заслоны, закладывают новые рощи в честь героев-комсомольцев.

О пионерских делах рассказывает сегодня «Наш вестник».

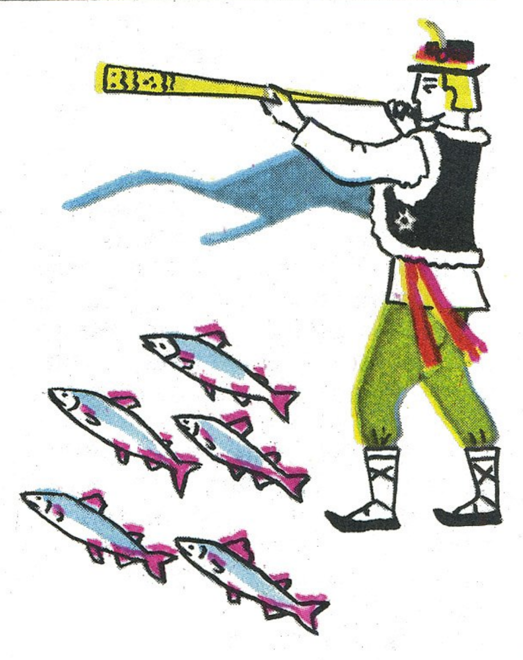
ЧТОБ БЕРЕЗКИ ДРУЖИЛИ

«Муром и Грибово — это лес, Лозовая — степь. Так пусть же лес наступает на степь!» — так написали в своем письме юные натуралисты Харьковщины подмосковным ребятам и просили их прислать русские березки. Очень хотелось школьникам Лозовой, чтоб в сожженной солнцем степи зашелестел нежными лепестками березовый лес.

Более 1200 саженцев берез получили они от муромских и грибовских пионеров. Хорошо прижились подмосковные березки. Жаркий ветер безбрежных просторов играет тонкими кудряшками белоствольных красавиц. Ввысь и вширь разрастаются зеленые рощи. Крепнет дружба ребят Украины и России.

А. ГОРБАЧЕВСКИЙ

ВЫРАЩИВАНИЕ САМОЦВЕТОВ

Подобно дорогому самоцвету, переливается солнечными красками только что выхваченная из бурного пенистого потока форель. Привольно обитать ей в холодных порожистых реках. Не страшны ей водопады, низвергающиеся с головокружительных гранитных круч.

Хочется ребятам Закарпатья, чтобы было еще больше этой красивой и ценной рыбы в родных краях. И они решили выращивать мальков, заселять ими горные речки и потоки.

Хорошо поработали юные рыбоводы. За один этот год они вырастили 4 миллиона мальков, а за 5 года — 12 миллионов мальков радужной форели.

Среди суровых лесов, воспетых звонкими трембитами, вьются чистые реки, играет в них на заре золотыми кругами гибкая форель.

МУДРАЯ ТРАДИЦИЯ

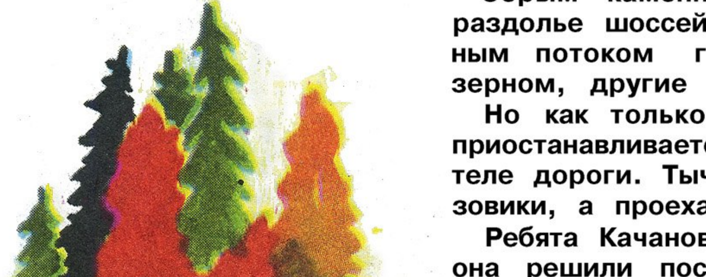
У древних греков была мудрая традиция. Взрослым у них считался тот, кто вырастил хотя бы одно оливковое дерево.

— А почему бы и нам не вспомнить ее? — сказали ребята Большеяльческой средней школы. — Каждый выпускник должен посадить хоть одно дерево.

И вот-теперь в школьном саду есть тополя, которым уже четверть века. Однако гордостью школы стал питомник лесных и плодовых деревьев, который дал району полтора миллиона саженцев.

Большие Яльчики Чувашской АССР раньше были степной стороной, а теперь покрылись густой зеленью садов. Тоненькие саженцы на глазах учеников превращаются в крепкие, стройные деревья.

ОХРАНА КАМЕННОГО РЕМЕШКА

Серым каменным ремешком перетянула степное раздолье шоссейная дорога. Бегут по ней беспрерывным потоком грузовики. Одни в город, груженные зерном, другие — в поля, к уборочным комбайнам.

Но как только пройдут ливневые дожди, движение приостанавливается. Глубокие рваные раны зияют на теле дороги. Тычутся в них, как щенки, тяжелые грузовики, а проехать не могут.

Ребята Качановской средней школы Печерского района решили посадить по обочинам дороги крепкие лесные заслоны. Только за один год они высадили вдоль шоссейных дорог 2400 березок, 40 000 елок, сосен, ив.

Идут в Псковской области злые предосенние ливни. Только не страшны они больше дороге. Деревья, посаженные ребятами, цепкими корнями скрепили вокруг нее подзолистые земли

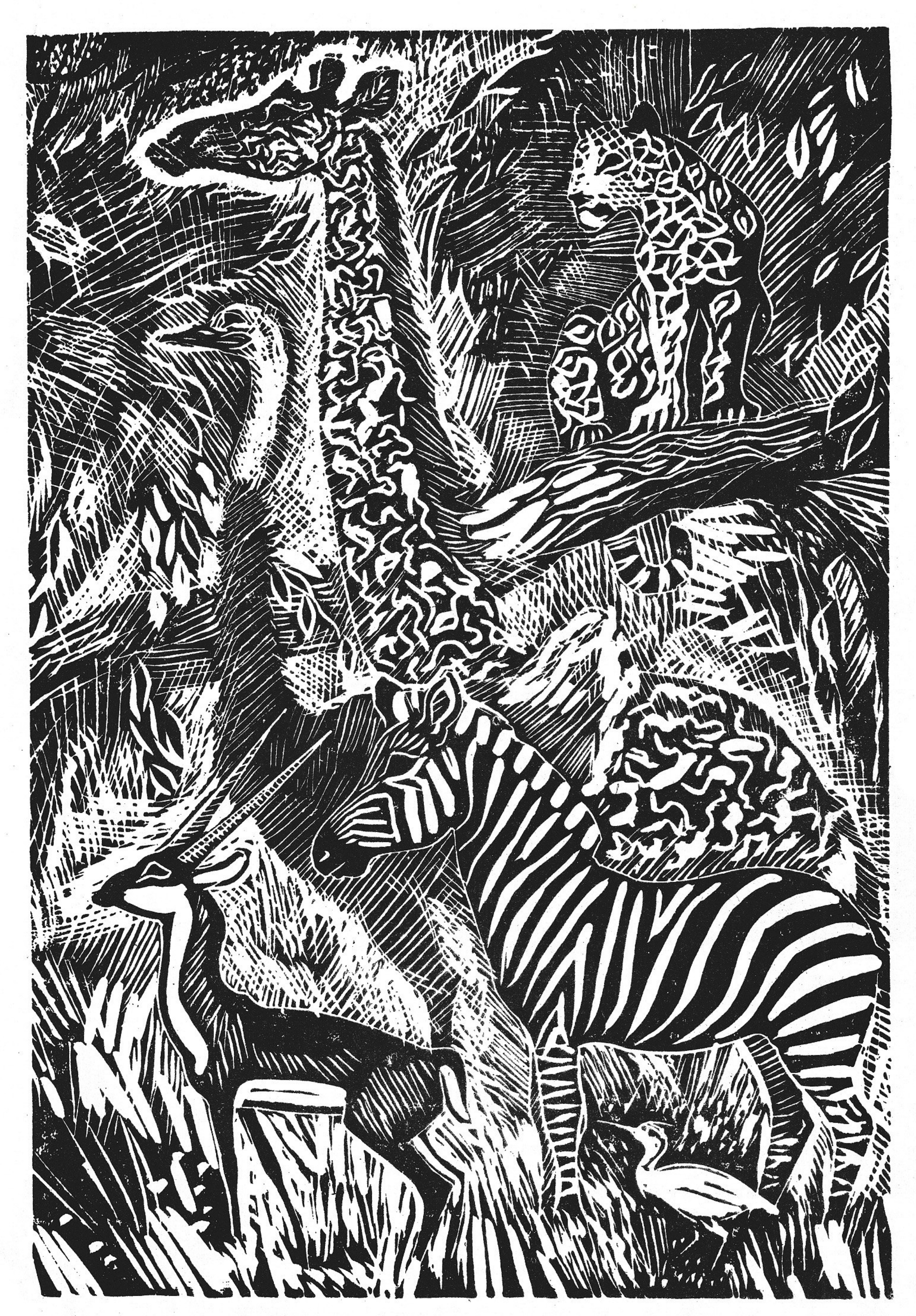
ЗАЖИГАЮТСЯ ЗВЕЗДОЧКИ

Синее небо. Теплое море шумными белогребневыми волнами накатывается на гранитные скалы. Веселые волны тянутся что есть сил вверх. Кажется, будто они становятся на цыпочки, чтоб заглянуть за береговую кромку, где расположены школьные цветники. Сколько цветов распускается здесь! И флоксы, и нарциссы, и георгины... Всех не перечесть.

У юных натуралистов Дагомысской средней школы Краснодарского края растут на клумбах цветы 78 сортов, и это не случайно. Ребята решили к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина собрать на пришкольном участке цветы со всех уголков нашей страны. Пишут пионеры письма на юннатские республиканские станции, просят прислать им семена.

И что ни день, то приходят маленькие желанные конверты. И зажигаются новые и новые удивительные звездочки на клумбах школьного цветника.

ДЖ. ДАРРЕЛЛ

ГОНЧИЕ БАФУТА

КЬЮ-ФОНГ-ГУ

Однажды я отправился с Гончими Бафута на охоту. Пройдя с километр, мы вышли к широкой долине. Гончие побрели ставить сети, а я сел покурить. Неожиданно слева от меня зашевелилась трава. Раздвинув стебли, я увидел животное, при виде которого у меня перехватило дух. До этой встречи самой ярко раскрашенной ящерицей в этих местах я считал агаму. Но по сравнению с той, на которую я смотрел, агама казалась бесцветной и тусклой. Я боялся шевельнуться. Медленно, явно наслаждаясь, ящерица выползла на солнце, улеглась и стала рассматривать меня золотисто-веснушчатыми глазами. Это был один из самых крупных и самых цветастых сцинков. Он спокойно лежал около меня, греясь в лучах утреннего солнца.

Длина сцинка вместе с хвостом была чуть больше тридцати сантиметров, а ширина не меньше пяти. Голова широкая и плоская, ноги маленькие, но мощные. Рисунок на сцинке был настолько запутан, а яркость красок так ослепляла, что описать их почти невозможно. Казалось, животное искусно собрано из мозаики. Сцинк был ярким и блестящим, будто его только что отлакировали и он еще не успел высохнуть.

Я и сцинк сидели рядом и смотрели друг на друга. Вокруг простирались травяные джунгли. И если бы сцинк убежал, то исчез бы навсегда. И вдруг, к своему ужасу, я услышал, что возвращаются Гончие. Нужно было что-то предпринять, иначе охотники могли спугнуть животное. Я медленно встал. Потревоженный сцинк поднял голову. Как только первый Гончий затрусил по траве, я ринулся на сцинка. Мне, конечно, удалось немного его обмануть, так как животное, конечно, не ожидало, что я брошусь на него, как коршун. Но преимущество было временным. Сцинк быстро оправился от удивления и стремительно убежал. Я покатился по траве вдогонку за животным, пытаясь схватить его, и мне уже почти удалось это сделать, но в этот момент подбежал Гончий. Вместо того чтобы не мешать мне, чего я от него ожидал, он пронзительно и протяжно завопил и, схватив меня за руку, потащил прочь от добычи. Сцинк, конечно, спокойно удрал в плотную спутанную траву. Взбешенный, я повернулся к нему. Взволнованный Гончий щелкал пальцами.

— Маса, — сказал он, — это плохой зверь. Если он укусит — маса сразу умрет.

Я рассмеялся. Ведь давно известно, что африканцы упрямо верят в то, что некоторые безвредные в действительности пресмыкающиеся смертельно ядовиты.

Подошли остальные Гончие.

— Как вы называете это животное? — спросил я.

— Мы зовем его кью-фонг-гу, сэр.

— Вы говорите, что оно очень ядовито?

— Да, маса. Это плохой зверь.

— А у меня есть лекарство от их укусов.

Гончих очень заинтересовало лекарство. Однако я решил пока сохранить его в тайне. Я только пообещал охотникам поймать кью-фонг-гу и доказать им, что со мной ничего не случится. Ни один из Гончих не поверил в мое лекарство. Однако, чрезвычайно заинтригованные, они тут же обещали мне найти сцинка. Один из Гончих заявил, что он знает места, в которых можно найти сколько угодно пресмыкающихся.

И вот мы на месте. Гончий привел нас к высокому холму. Тяжелые горные ливни смыли с его склонов почти весь грунт, и перед нами красовались обнаженные серые скалы. У края каменной глыбы густо разрослись высокая желтая трава и какое-то любопытное растение, похожее на чертополох с бледно-желтой, как у лютика, головкой. Солнечные лучи раскалили обнаженную скалу. До нее почти невозможно было дотронуться. Мои тонкие резиновые подошвы сразу же приклеились к камню. Мне начинало казаться, что такое «прекрасное» место не могло прельстить сцинков. Да их и нигде не было видно. И вдруг цветастая лента пулей вырвалась из низких зарослей и исчезла за камнями.

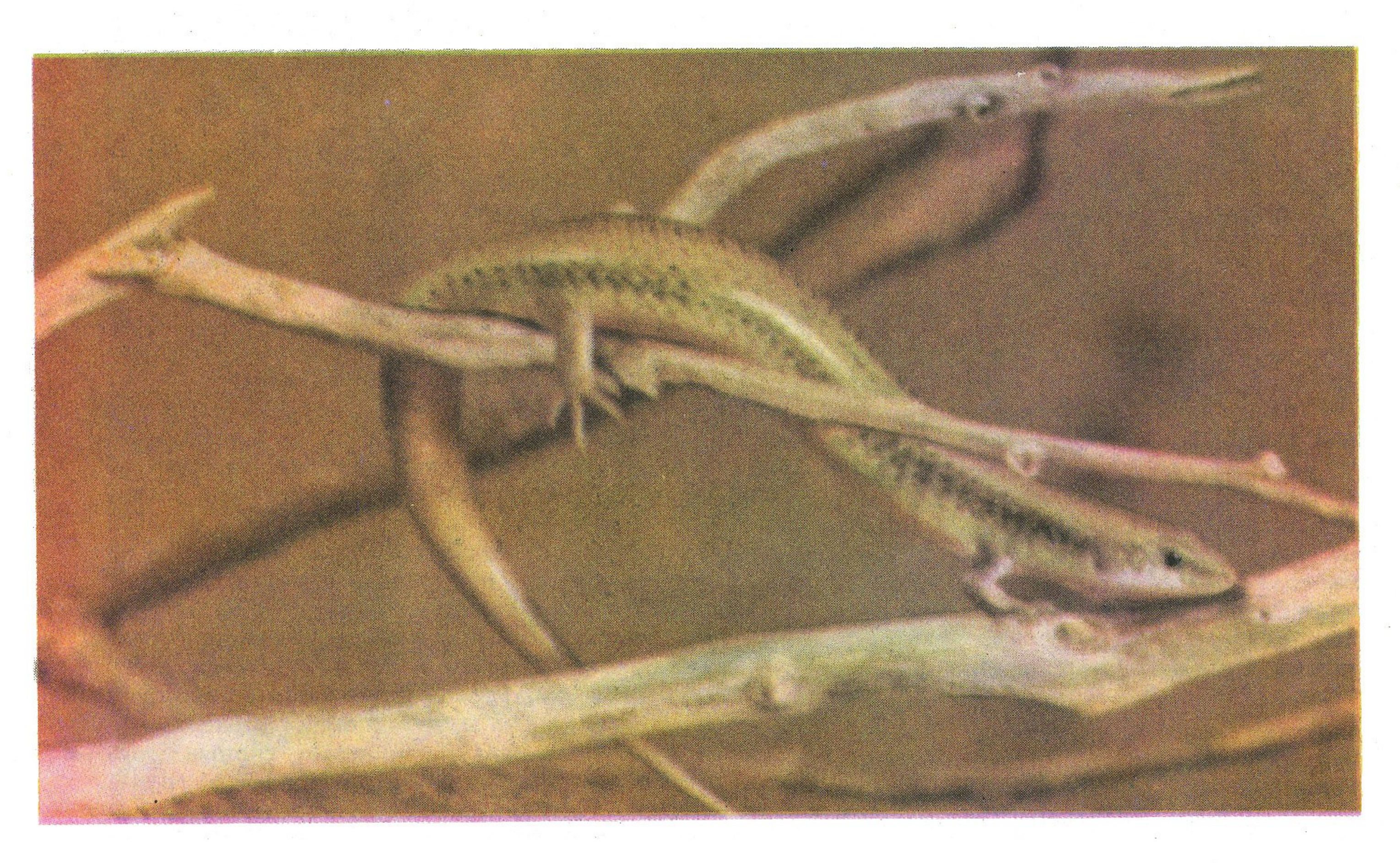
Гончие Бафута разом остановились, крепче сжали копья и хором выдохнули:

— Кью-фонг-гу!..

Решив, что от моих охотников будет больше помехи, чем помощи, я велел им остаться на месте, а сам понемногу начал продвигаться вперед. Вооружившись сачком для ловли бабочек, я осторожно шел вдоль трещины и тихонечко ощупывал заросли ручкой сачка, отыскивая в них кью-фонг-гу. К великому моему изумлению, эти животные оказались даже в самых маленьких пучках травы.

Наконец мне повезло. Я спугнул кью-фонг-гу. При этом в воздух взвилась целая туча мотыльков и мошек, засверкавших, словно бриллианты, бабочек, несколько жуков и стрекоз. Вот, оказывается, почему такие бесплодные на первый взгляд места оказались столь привлекательными для ящериц. Сцинк, выскользнув из своего убежища и едва касаясь земли, понесся по неровностям скалы так плавно, будто бежал по льду. Я было рванулся за ним, но тут же понял, что место, столь удобное для сцинков, совсем не годится для моих спринтерских упражнений. Я угодил ногой

Окончание. Начало см. в № 4, 5, 6.

В отличие от своих многочисленных родственников из южных стран наш среднеазиатский щитковый сцинк гораздо скромнее. Он не поражает ни экзотическим видом, ни ярким нарядом.
Но посмотрите, как он элегантен!

в расщелину и плашмя упал на камень. Пока я, кряхтя и охая, наконец, поднялся и нашел свою сетку, сцинка уже нигде не было. От раскаленной скалы поднималась такая страшная жара, что голова гудела, как барабан, а с лица капал пот. Гончие застыли на краю каменистой площадки и молча провожали взглядом каждое мое движение. Я вытер лицо, зажал в липкой от пота руке сетку и с выражением самого решительного упрямства подошел к следующему пучку зарослей. Но теперь я был осторожнее: вставив палку в самый край зарослей, я слегка пошевелил ею и стал ждать. И вот из плотной стенки травы очень осторожно показался нос кью-фонг-гу. Казалось, животное хотело посмотреть, кто это шевелит траву. Я быстро ударил ногой по траве сзади животного и, как только испуганный сцинк ринулся вперед, раскинул над ним сетку. Через секунду, торжествуя, я схватил сцинка, и он в тот же миг отомстил мне, сомкнув челюсти на моем большом пальце.

Челюсти у сцинка довольно мощные, а зубы микроскопически мелкие, поэтому его укус был совершенно безболезненным и безвредным. Чтобы не упустить добычу, я предоставил ящерице возможность жевать мой палец, пока доставал ее из сети. Крепко держа в руке ослепительно красивое животное, я поднял сцинка высоко над землей и начал размахивать им, как знаменем.

— Смотрите! — кричал я Гончим, которые стояли с открытыми ртами. — Я поймал кью-фонг-гу! — И пошел навстречу охотникам.

Гончие Бафута, как по команде, бросили свои копья и со всех ног бросились прочь, топая, как стадо испуганных антилоп.

— Да чего же вы боитесь? — засмеялся я. — Я крепко держу его.

— Маса, мы очень сильно боимся, — ответили они хором, находясь от меня на безопасном расстоянии.

— Принесите мне мешок для этого зверя, — строго приказал я, хмуря брови.

— Маса, нам страшно... это плохой зверь, — снова донесся до меня крик.

Но все же спустя некоторое время охотники медленно и безо всякого желания подошли ко мне. Один из них, все еще держась на почтительном удалении, бросил мне мешок. Но прежде чем опустить туда ящерицу, я решил окончательно убедить Гончих, что это животное совершенно безвредно.

— Смотрите, — сказал я, держа сопротивлявшегося сцинка высоко над головой. — Видите, он совсем безвреден и никакого яда у него нет.

Я медленно поднес палец вплотную к носу сцинка. Глаза охотников были широко открыты. Они затаили дыхание и, все еще не закрыв рты, слегка наклонились вперед. Кью-фонг-гу схватил мой палец и укусил его

— Этот зверь укусил меня, — сказал я.

— Так, сэр, — прошептали Гончие.

— И вы думаете, что теперь я умру, да?

— Нет, сэр. Раз зверь укусил маса и маса от этого не умер сразу, то маса не умрет вообще.

— Это все потому, что я достал специальное лекарство, — солгал я, преодолевая чувство неловкости от этого обмана.

Я не хотел обманывать охотников. Но мне надо было поймать как можно больше кью-фонг-гу и доказать Гончим, что сцинки безвредные ящерицы.

На обратном пути в Бафут я важно вышагивал впереди, гордо неся драгоценную добычу. Я был очень доволен, что придумал эту маленькую хитрость. Позади меня молча трусили рысцой Гончие. Каждый раз, когда мы встречали кого-нибудь на дороге, они быстро рассказывали ему о моем могуществе. До моего слуха доносились аханья, возгласы удивления и ужаса, будто они слушали страшную сказку.

Наконец мы пришли на виллу, и сцинк был пересажен в новое жилище. Собрав Гончих, я произнес перед ними маленькую речь. Я сказал, что намерен дать им по большой дозе магического лекарства, чтобы они смогли поймать побольше кью-фонг-гу. Затем я самодовольно улыбнулся, предполагая, что они сейчас разразятся криками восторга. Ничего подобного. Совсем наоборот. Гончие стояли передо мной с чрезвычайно мрачными лицами и большими пальцами ног старались провертеть в полу дырки.

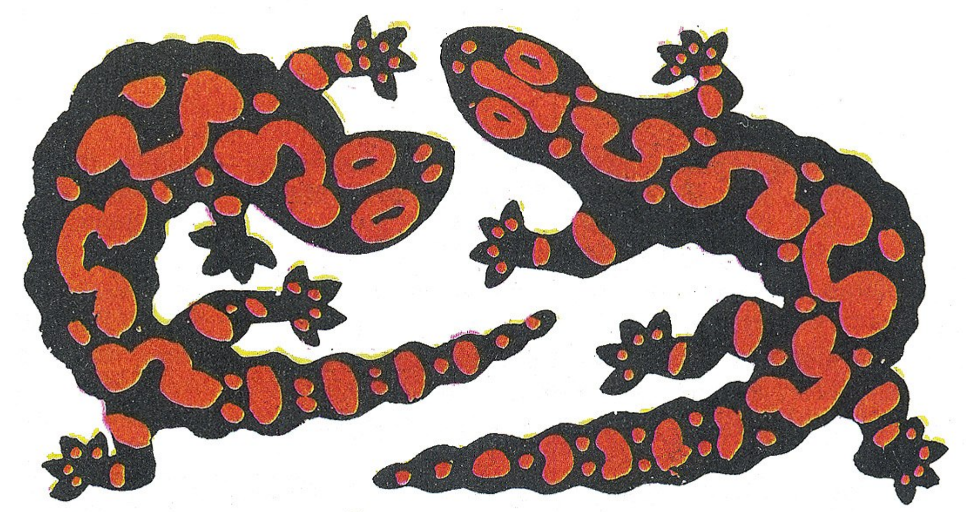
— Ну, — спросил я после длительного молчания, — согласны?

— Нет, маса, — пробормотали они.

Целых полчаса я убеждал, просил Гончих и льстил им. Все было напрасно. Охотники оказались непреклонными. Я испробовал все доводы, пытаясь переубедить их, но все было напрасно. Вконец раздраженный провалом своей небольшой хитрости, я отпустил Гончих и гордо удалился обедать.

Поздно вечером неожиданно появился фон в сопровождении пяти советников. Мы вышли на залитую лунным светом веранду. Внезапно фон нагнулся и ослепил меня широкой и привлекательной улыбкой.

— Кое-кто сказал мне, что ты поймал кью-фонг-гу. Этот человек сказал мне правду?

— Да, — я утвердительно кивнул. — Кью-фонг-гу — великолепный зверь.

— Этот человек говорил мне, что ты брал кью-фонг-гу в руки, — продолжал фон. — Я думаю, что этот человек сказал мне неправду, а? Это очень плохой зверь, этот кью-фонг-гу. Не мог же ты его поймать руками. Ведь от этого ты умер бы, верно?

— Нет, — твердо заявил я, — твой человек не солгал тебе. Я действительно поймал кью-фонг-гу своими собственными руками.

При этих словах фон тяжело плюхнулся на стул, уставившись на меня широко раскрытыми глазами.

— А когда ты его поймал, он что сделал, а? — наконец обрел дар речи фон.

— Он укусил меня вот сюда, — показал я.

— Ва-ааааа! — раздался возглас изумления, и фон рванулся в сторону, будто я направил на него не палец, а ствол винтовки. Потом он и его советники издали осмотрели мою руку, оживленно говоря о чем-то на своем языке.

— Почему же ты не умер? — внимательно всматривался в меня фон.

— А почему я должен был умереть?

— Зверь этот очень плохой, — волновался фон. — Он очень сильно кусается. Если человек возьмет его в руки, то немедленно умрет. А почему не умер ты, мой друг?

— О! У меня есть особое лекарство против укусов этого зверя, — беззаботно ответил я. — Хочешь, я покажу его тебе?

— Да, да, это интересно! — заторопился он.

Я достал из чемоданчика пакет с борной кислотой, отсыпал из него немного порошка себе на ладонь. Наполнив стакан водой, я размешал в ней порошок и, налив на руки раствор, старательно растер его.

— Все! — я раскинул руки в стороны. — Теперь кью-фонг-гу не может убить меня.

После этого я подошел к ящику с животным, открыл его и взял сцинка. Все советники в панике умчались в дальний угол веранды. Фон остался сидеть в кресле с таким видом, будто прирос к нему. Я ос-

тановился перед ним и протянул сцинка, который изо всех сил старался ампутировать мой палец.

— Видишь, этот зверь не убил меня.

Фон смотрел на ящерицу и не мог оторвать от нее глаз.

— Это лекарство, — проговорил он хрипло, — годится для любого человека?

— Это очень хорошее лекарство для какого угодно человека.

Фон отвалился на спинку стула, пытливо уставившись на меня.

— Ха! — сказал он наконец. — Это очень хорошая вещь.

— Не хочешь ли ты попробовать это лекарство? — как бы между прочим спросил я.

— Д-д-да, да, это было бы очень хорошо, — ответил фон нервно.

Быстро, чтобы фон не передумал, я положил сцинка в ящик, приготовил немного раствора борной кислоты, показал, как втереть жидкость, и фон старательно и долго массировал свои огромные ладони. Дождавшись конца этой процедуры, я принес ящик, вытащил сцинка и протянул его фону.

Кольцо советников сомкнулось вокруг нас. Затаив дыхание, с искаженными от ужаса лицами они наблюдали за нами. Фон неторопливо протянул руки к сцинку, нервно отдернул их и вновь протянул. Затем глубоко перевел дыхание и решительно схватил сцинка.

— Ахххх! — выдохнули советники.

— Я взял его! — взвизгнул фон, сжимая несчастного сцинка так крепко, что я испугался за животного.

— Держи его понежнее, — попросил я. — Ты убьешь сцинка, если будешь так сильно сжимать.

Но фон, довольный собственной храбростью, мог только сидеть неподвижно и глядеть на сцинка. Наконец я вырвал силой у него животное и посадил его в ящик.

Фон всплеснул руками и разразился смехом. Он смеялся, и смеялся, и смеялся, хлопая себя по бедрам, ерзая на стуле, кашляя и брызгая слюной, а по его лицу лились слезы. Смех его оказался заразительным, и мы все разразились дружным хохотом.

— Чему ты смеешься? — пролепетал я наконец.

— Смешно, — ответил фон, содрогаясь от нового приступа смеха, — смеюсь, потому что я всегда боялся этого зверя. Вах! Я очень сильно боялся его. Теперь я больше не боюсь кью-фонг-гу.

И он снова откинулся на спинку стула и затрясся в очередном приступе смеха.

Как я и рассчитывал, на следующее утро уже все знали, что фон брал в руки кью-фонг-гу и остался жив. После полудня у меня появились Гончие Бафута. Ухмыляясь, они выстроились передо мной и обезоруживающе глядели на меня.

— Что вам? — спросил я.

— Маса, — ответил один из охотников, — дай нам этого лекарства, которое ты дал фону. Мы будем охотиться на кью-фонг-гу для маса.

В тот вечер у меня было уже два полных ящика прекрасных травяных сцинков, а Гончие Бафута попивали маисовое пиво в окружении толпы восхищенных бафутианцев и вновь и вновь рассказывали о том, как они охотились.

ЗООПАРК ПОД ПАРУСИНОЙ

Я звероЛов, и в моей работе больше всего меня огорчает, что зачастую до самого конца путешествия мне не удается точно узнать, какими именно животными я обладаю. Ведь первые четыре месяца все животные, которых звероЛов приобретает, остаются для него просто животными: совершенно нет времени, чтобы внимательно присматриваться к ним.

Я начал изучать своих пленников лишь после возвращения в наш жаркий и влажный лагерь на берегу реки Кросс. Прежде всего меня приятно поразили даманы. Между прочим, при первом взгляде дамана можно принять за представителя обширного отряда грызунов. И ничего удивительного! Если бы вы посмотрели, как отгрызает он листья или гложет сочную кору какого-нибудь растения, то решили бы, что это животное является родственником кроликов. И, конечно, ошиблись бы, потому что даманы самые мелкие и самые грациозные из копытных животных. Они гораздо ближе к отряду, в который входят домашние копытные животные — олени, свиньи и кони, и ближним родственником даманов является не кролик, а слон, что труднее всего себе представить. Пока я вез даманов из Бафута, они казались мне скучнейшими и довольно тупыми тварями, которые всю свою жизнь проводят, сидя на корточках, и монотонно пережевывают жвачку.

В главном лагере я понял, что ошибался. Когда у дамана хорошее настроение, он бывает очаровательным и милым, как ягненок. Вечерами, когда клетку даманов заливали потоки света от садящегося солнца, старая самка неподвижно лежала и, методично чавкая, пережевывала веточку нежного шпината или пучок листьев маниоки. Ее детеныши в это время устраивали веселую и шумную возню, преследуя друг друга, и изумляли меня своими стремительными пробежками по гладким деревянным стенкам. Они поднимались по ним до самого верха и сбегали обратно на пол, ни разу не упав. Когда детеныши уставали от трюков на «вертикальной стенке», они принимали позу осанистой мамаши и спокойно лежали. Иногда один из них забирался матери на шею, а другой в это время наскакивал на него, пытаясь столкнуть. Возня малышей затягивалась иногда до глубокой ночи, особенно если на небе светила луна. Укладывать даманчиков спать оказалось чрезвычайно трудным делом. Они носились в своей клетке и поднимали такой страшный шум, какой можно услышать только от пары жеребцов в конюшне. Иногда я свирепо кричал им: «Цыц!» Это производило свое действие: на полчаса становилось тихо, и если я успевал за это время уснуть, то тут же снова подскакивал в постели от невероятно громкого топота и грохота досок клетки, дребезжанья проволочной сетки и мелодичного звона разбитой посуды из-под корма. В общем даманы были отнюдь не скучными и глупыми тварями.

Из многочисленных животных, которых мы собрали в нашем шатре, около пятидесяти были детенышами, и, хотя все они большей частью очаровательные крохотные создания, на нас свалилось множество дополнительных хлопот, потому что животные-малыши требуют к себе внимания ничуть не меньше, чем дети.

Самыми очаровательными и в то же время самыми беспокойными оказались три маленьких создания, которых мы называли Бандитами. Это были детеныши одного из видов мангустов, которых очень много в лесах Камеруна. Взрослые мангусты этого вида ростом с большую морскую свинку. Они покрыты толстым, грубым мехом шоколадного цвета, у них пушистый хвост и длинная заостренная мордочка, на которой выделяются розовый, как бы резиновый, нос и круглые выпуклые глаза, похожие на пуговицы. Когда Бандиты впервые появились в лагере, у них только-только прорезались глаза. Мех их был ярко-рыжего цвета и топорщился во все стороны, делая самих зверюшек очень похожими на ежей. Самой заметной частью их тела были ярко-розовые носы, такие гибкие, что могли поворачиваться из стороны в сторону наподобие крошечных слоновых хоботков. По природе страшно любопытные, мангусты пытались совать свои розовые носы в любое чужое дело. Крышка корзины, в которой жили наши Бандиты, была не очень надежная, и им не потребовалось много времени, чтобы научиться открывать ее. Так они стали время от времени выбираться из своей корзины и отправлялись путешествовать по лагерю, инспектируя все его закоулки. Это беспокоило меня, потому что у Бандитов совершенно отсутствовало чувство страха, и они одинаково смело могли сунуть свой длинный нос в обезьянью клетку или в ящик со змеями. Жизнь этих животных посвящена поискам съестного, и поэтому они пробовали на зуб буквально все, что попадалось на пути.

В это время у нас появилась взрослая абиссинская гвереца — обезьяна с удивительно длинным, густым и шелковистым мехом черного и белого цветов. Хвост у нее был тоже очень длинный и чрезвычайно пышный. Казалось, гвереца очень гордилась им. Однажды Бандиты удрали из своей квартиры и пошли бродить вокруг обезьяньих клеток, выискивая, что можно украсть. Наша абиссинская гвереца лежала на полу клетки, опершись спиной о боковую стенку, и принимала солнечные ванны, а свой длинный великолепный хвост высунула между прутьями решетки и растянула по полу. Один из Бандитов быстро обнаружил этот любопытный предмет и вонзил в него свои острые, как иголки, зубы. Два других Бандита, увидев, что их товарищ что-то обнаружил, немедленно присоединились к нему. Несчастная обезьяна, пронзительно взвыв от ярости и боли, вскарабкалась на самый верх клетки. Бандиты болтались в полуметре от земли и свирепо рычали сквозь крепко стиснутые зубы. Потребовалось несколько минут, чтобы заставить их отцепиться.

Жизнь в шатре со множеством животных, за которыми нужно ухаживать, была какой угодно, но только не скучной. Со всех сторон нас окружали животные разных размеров, форм и видов: от древесных лягушек до сов и от питонов до обезьян. В любой час дня или ночи вокруг слышалось какое-то ворчанье; непрерывно доносились из клеток странные звуки, от воплей и хихиканья шимпанзе, до непрерывных дребезжащих звуков, доносившихся из клетки сумчатых крыс, которые нисколько не сомневались, что, втыкаясь носами в металлическую посуду, они, несмотря ни на какие преграды, обязательно прогрызутся к корму. Здесь в любое время дня можно было найти себе работу или увидеть что-нибудь новое. Поэтому не удивительно, что я был довольно сдержан с одним молодым человеком, который, осмотрев животных, спросил:

— Вы когда-нибудь выходите отсюда? Можно со скуки умереть, проводя весь день среди такого множества зверей?

Перевод с английского
Н. НОВОБЫТОВОЙ

«ЖИРАФЫ».

Владимир Рокитский
г. Фастов

Рябина

Хороша стоит рябина
Возле нашего двора.
У меня в глазах рябило
От нее, как от костра.
И березонька и липа
С золотой своей косой
И сравниться не могли бы
С этой яркою красой.
С этой русской царь-девицей
Только алая заря
Лишь одна могла б сравниться,
На ветру огнем горя!

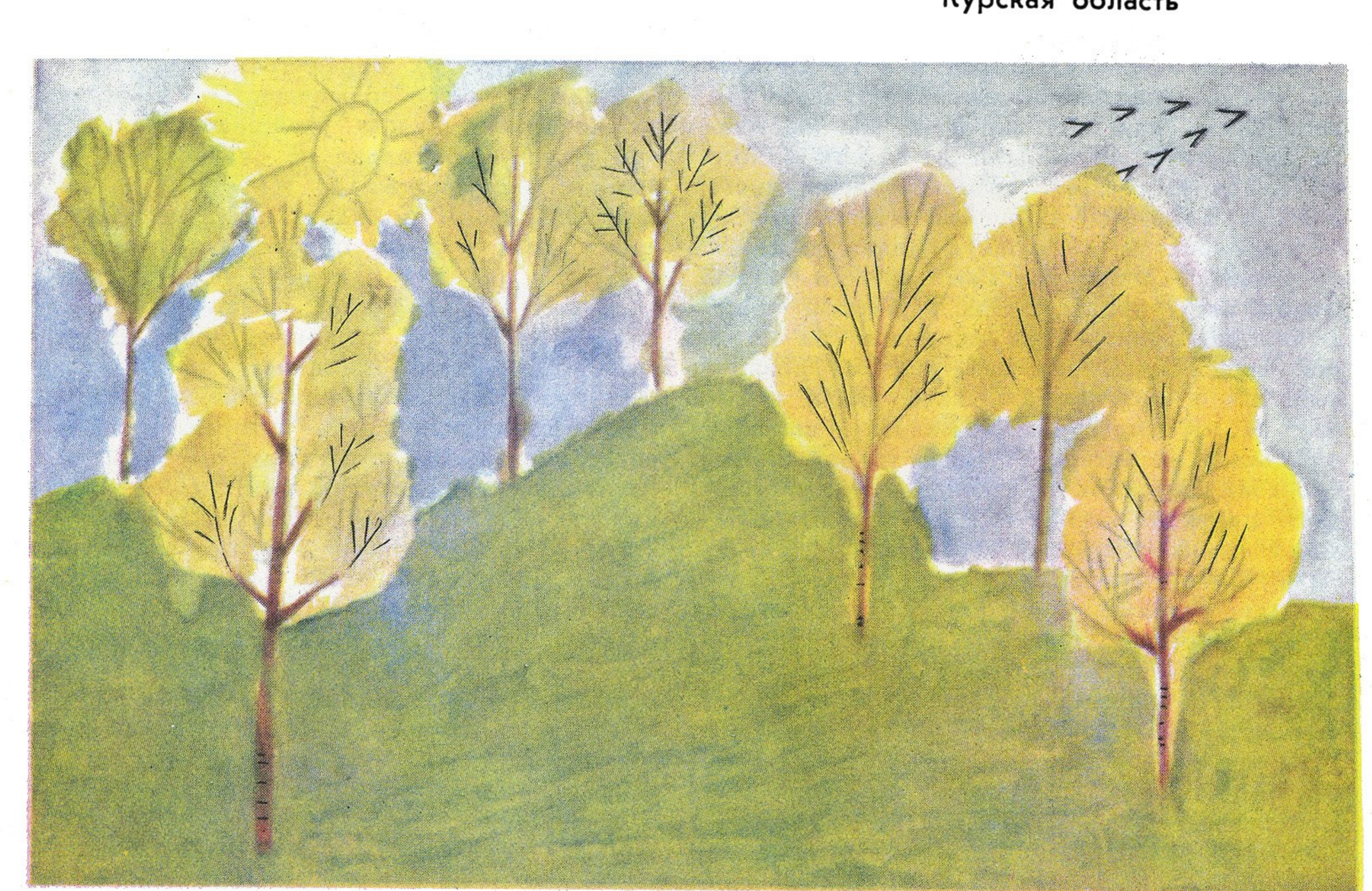
Галя Холявко
Ленинград

«СУМЕРКИ».

Римма Дурнова
г. Балтийск

«ОСЕНЬ».

Лена Аулова
Курская область

Оказывается

В семье одного англичанина живет четырнадцать обезьян. Шесть из них родились в его доме. Родина животных — джунгли реки Амазонки. Эти обезьяны не могут жить в клетке, поэтому их не встретишь ни в одном зоопарке.

●

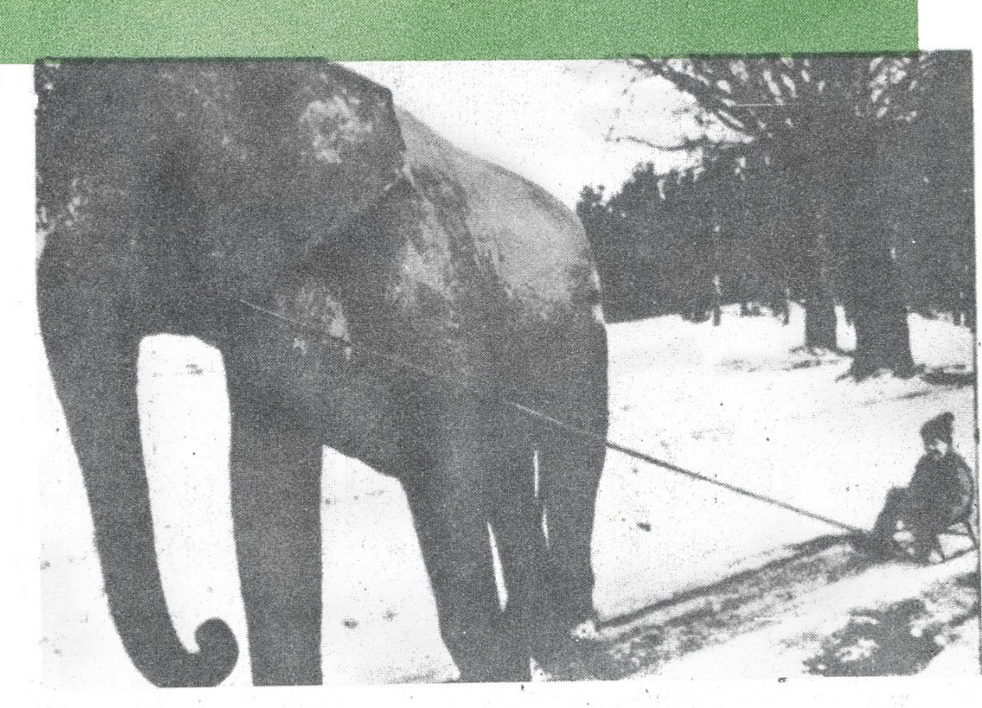
Одна из самых крупных морских рыб — гигантская акула. Ее длина 14—16 метров, а вес 7 тонн. Летом гигантскую акулу можно встретить в атлантических водах побережья Европы. Плавает она в это время неглубоко. Часто можно видеть, как ее мощный, до двух метров в высоту, спинной плавник стремительно рассекает водную гладь.

Как и кит, эта крупная рыба питается планктоном. В ее огромном рту нет опасных острых зубов, а лишь маленькие безобидные хрящевые зубы да щетинистый венец у жаберных дуг, покрытый клейкой слюной. К ней-то и прилипает планктон.

Взрослая гигантская акула, пропускает через рот и жабры большое количество воды, отфильтровывая корм. В огромном желудке гиганта одновременно скапливается около 500 килограммов планктона.

Осенью гигантская акула уходит из прибрежных вод. Куда? Об этом никто не знает. Есть предположение, что акулы уходят на дно моря на зимнюю спячку, ведь планктона в холодных водах зимой не так много.

Известно, что гигантская акула рождает живых детенышей, как и другие виды акул. Но когда, где и как рождаются ее детеныши, до сегодняшнего дня остается загадкой.

Обычно в детские санки запрягают лошадь или собаку. А вот сын директора Копенгагенского зоопарка любит кататься на санках, в , которые запряжен его друг — слон Джимми.

●

Самец величественной райской птицы дает ежедневно два «цирковых представления»: утром и вечером. Забравшись в густую крону дерева, он клювом срывает листья и веточки, которые мешают зрителям видеть его фокусы. Начинается представление: самец скачет по веткам вниз, вверх головой, уцепившись лапками за ветвь, опрокидывается спинкой к земле и снова скачет. Публика состоит только из самок, среди которых находится и его подруга.

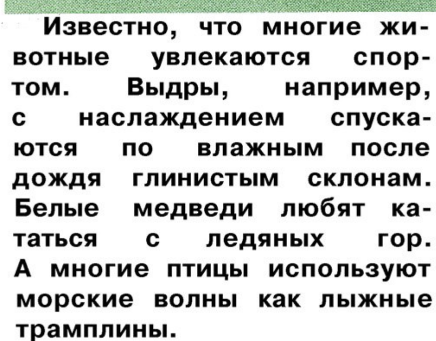
●

Однажды в югославском селе произошел такой случай: свинья неизвестно откуда привела во двор щенят и стала кормить их своим молоком. Она заботилась о них, как о своих собственных детенышах.

В непроходимых чащобах близ Хартума обитают многочисленные стада обезьян. Окрестности Хартума — основные поставщики обезьян во все зоопарки мира.

Оригинальным методом ловят местные охотники мартышек. Они направляются в лес с огромным бидоном пива и десятком кружек. На виду у обезьян люди делают по нескольку глотков и прячутся в кусты. Обезьяны немедленно соскакивают с деревьев. Начинается обезьянье пиршество. Кончается оно тем, что они, мертвецки напившись, засыпают. Охотникам остается только уложить добычу в сети и принести домой.

Известно, что многие животные увлекаются спортом. Выдры, например, с наслаждением спускаются по влажным после дождя глинистым склонам. Белые медведи любят кататься с ледяных гор. А многие птицы используют морские волны как лыжные трамплины.

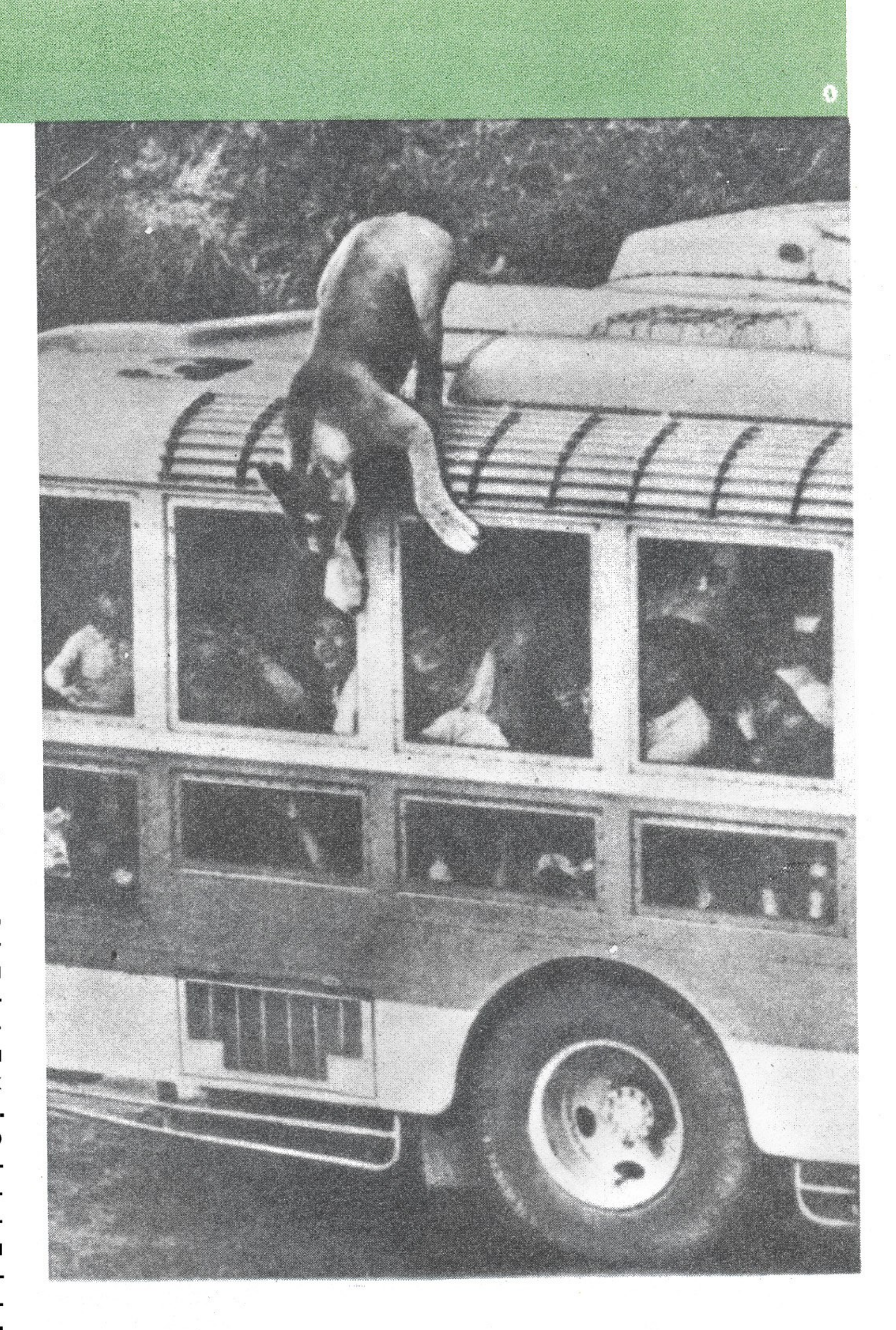
Биологи считают, что у животных очень много спортивных игр, о которых люди и не подозревают.

●

Однажды в бюро находок города Дарвина (Австралия) был сдан маленький живой крокодил. Его нашел полицейский во время очередного обхода своего участка. Крокодил пытался перейти улицу...

Крокодил был маленьким, всего 60 сантиметров в длину, и отличался спокойным характером. Согласно австралийским законам найденный предмет должен храниться в бюро находок в течение трех месяцев. Поэтому работникам бюро находок пришлось заняться воспитанием крокодила, так как на объявление в газете о найденном животном никто не откликнулся. Маленький крокодил благодаря милому и ласковому характеру стал любимцем сотрудников бюро и прекрасно чувствовал себя среди потерянных зонтов и чемоданов.

В токийском зоопарке «Рама» дикие животные разгуливают на свободе, а посетители движутся по парку в наглухо закрытых автобусах.

В Мельбурне открылась школа для... кенгуру! В ней дрессируют молодых кенгуру, а затем продают их как домашних животных не только в Австралии, но и за границей. Дрессированные кенгуру — милые домочадцы. Эти умные и спокойные животные очень привязываются к людям, играют с детьми в футбол и даже умеют «работать»: при помощи машины подстригают газоны.

В зоологическом саду города Печь (Венгрия) живет ворон по имени Матей, интересный своими имитаторскими способностями.

Он отлично «говорит» на разных птичьих наречиях и часто вводит в заблуждение не только посетителей, но и служащих зоопарка. Матей «поет» петухом, кудахчет, как курица-несушка, мастерски подражает крику павлина и аиста.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Давно растрепали свои прически пугливые осины, давно съежился и подурнел чахлый ольшаник, и только березы по краю болотца стоят нарядные и желтые, как свечи. Они горят ярко и торжественно, окружая, расцвечивая чистое моховое болотце.

По утрам бархатный мох умывается студеной росой и вспыхивает в первом солнце бурыми, мягкими красками ягодных листьев. И тишина... Тишина засыпающего леса, когда только далекий дятел да нечастые стайки сбившихся на зиму синиц изредка подадут голос.

Давно ушел с болота медведь поближе к берлоге. Снялись журавли, последний раз махнули крылом и улетели к вчерашним полям, где еще осталось оброненное людьми зерно и где можно сбиться в большие, нужные в трудной дороге стаи. Лес затих, приготовился к тяжелому предзимью, к густым обложным дождям, когда вокруг только вода и жуткий ветер волчьих ночей.

Последнюю песню в лесу всегда поет лось. Большой, мудрый житель тайги выходит на край мохового болотца. Долго слушает, ждет, будто прося внимания, потом запрокидывает на спину тяжелые, гордые рога, поднимает голову и трубит в осеннюю чистоту звонко-голубого неба.

Молчит лес, молчат дятел и синицы, молчит вода притихшего озера, и только березы горят желтым, чистым светом, горят рядом со звонкой и сильной песней о жизни.

Трубный звук долго звенит над огнем последних берез и сиреневой тишиной воды.

Эхо, верное и чистое, поднимает песню выше, шире и несет дальше и дальше. И это уже не лось, не песня, а вся тайга клянется сама себе, клянется земле и озерам пережить глубокие снега, снова ожить белым светом черемухи над весенней водой.

Лес слушает свою последнюю песню, верит трубной клятве и перед тяжелыми временами спокойно смотрит туда, где оранжевые ленты солнца мягко вплетаются в багровые рога лесного рыцаря.

А. ОНЕГОВ

Мещерский край

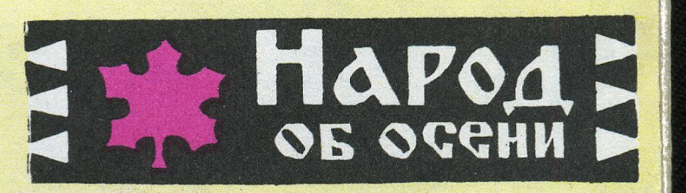
Дебри лесные вдоль поймы широкой,
Много озер в них и топей болотных.
В зарослях диких, прибыв издалека,
Любят бродить рыболов и охотник.

Есть в этом крае особая прелесть:
Девственность, мощь первобытной
природы,
Леса дремучего шорох и шелест,
Рек заболоченных сонные воды.

Редки и вязки глухие дороги,
В чаще никто не пройдет, не проедет.
В мшистом ковре глубоко тонут ноги.
Вот где владенья лосей и медведей.

А. ЧЕЛЬЦОВ

Если осенью листопад пройдет скоро, нужно ожидать крутой зимы.

Урожай на орехи — урожай хлеба на будущий год.

Если орехов уродилось обильно, а грибов мало — зима будет снежная и суровая.

Гром в сентябре предвещает теплую осень.

Теплая осень — к долгой зиме.

Не заметить ее огромных оранжево-желтых глаз просто невозможно. Кому принадлежат они?

Если притаиться в лесу, где по ночам раздаются странные звуки, похожие то на звучание гонга, то на щебетание и писк птиц, вы непременно увидите их обладательницу — маленькую мирикину.

Со многими обезьянами вы хорошо знакомы, а вот мирикин, очевидно, знают еще не все. Мы обязательно познакомим вас с ними, только будет это в 1969 году.

Этот четырехметровый удав вас не проглотит. Хотя укусить может, и пребольно. Зовут удава байоби. Больше всего на свете он любит есть птиц.

Чтобы познакомиться с этим удавом и многочисленной его родней: анакондой, сетчатым и аметистовым питонами, скалистым удавом, совсем не обязательно ехать на Амазонку или в Африку. Достаточно совершить путешествие по страницам нашего журнала в 1969 году, и вы узнаете о питоне-наседке, про девятисотдневную голодовку удава и о том, как ловко глухонемые и близорукие змеи отыскивают свою добычу.

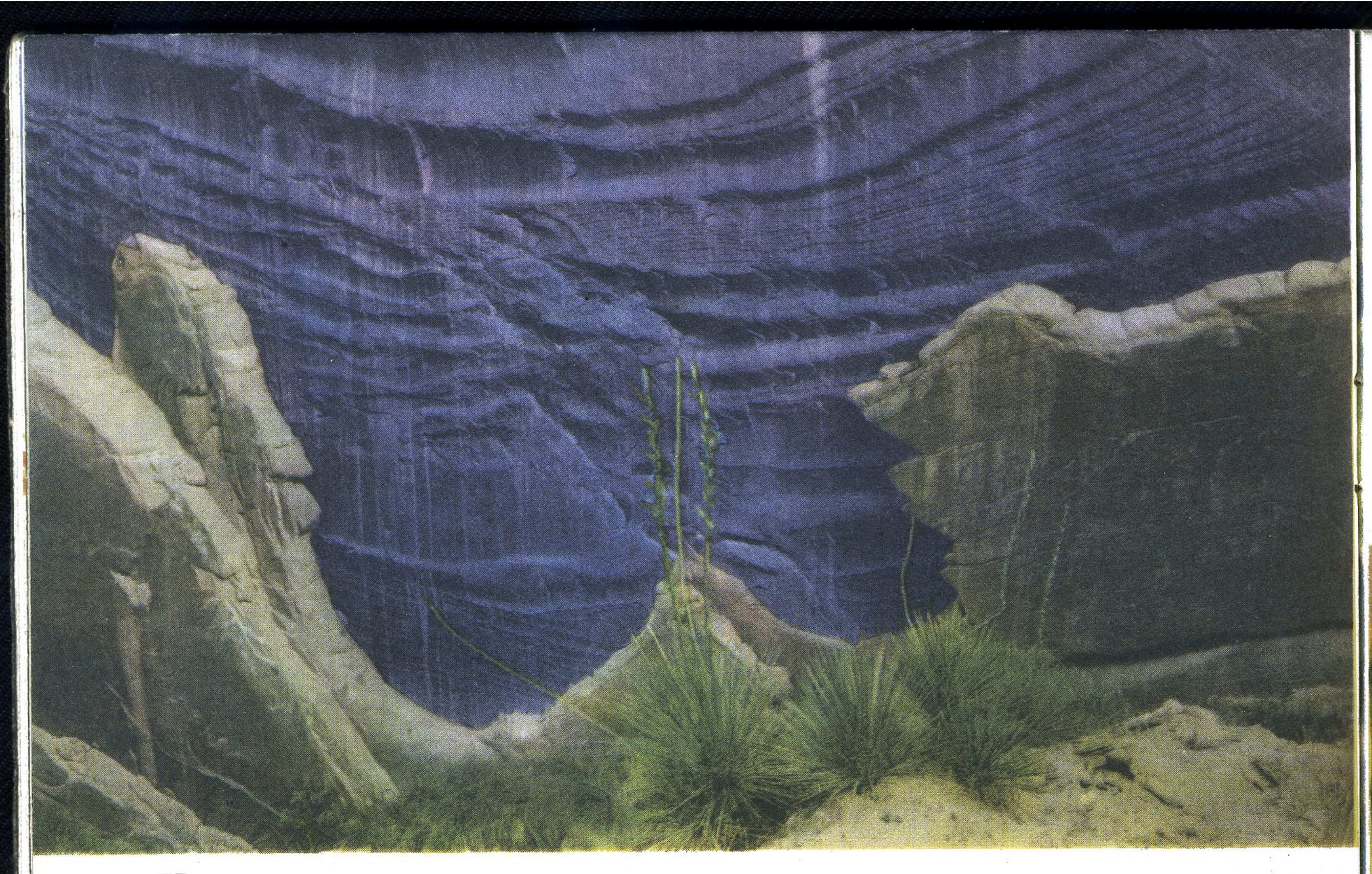
«А по вечерам мы почти всегда слушали радио. Маленький приемничек сначала трещал, поскрипывая, и почти тут же ему отвечал своим хриплым голосом Гришка... Гришка был просто вороной, конечно, ничего не понимал р радио, а только злился, когда ему мешали спать. Но долго злиться Гришка не умел, и когда я находил какую-нибудь тихую музыку, он высовывал из своего угла любопытный клюв и внимательно прислушивался.

Но больше всего музыка нравилась нашему Рыжику. Белочка тут же вскакивала на столик и принималась то удивленно, то радостно цокать... За примерное поведение Рыжику всегда полагался кусочек сахару. Но сахар успевали увидеть и наши сварливые сороки. Они тут же забирались на стол и поднимали такой стрекот, что приходилось вмешиваться Гришке и наводить порядок. Он тоже появлялся около приемника и сердито требовал, чтобы ему не мешали слушать радио...»

Как жили вместе лисята и зайчонок, белочка Рыжик и сороки, ворона Гришка и дикий утенок, как собрались эти животные вместе, как всех их нашел совсем маленькими и принес к себе домой человек, как лисята, галчонок и сойки привязались к человеку и как не хотели уходить и улетать от него — обо всем этом вы узнаете в следующем году на страницах нашего журнала. О смешных, грустных и забавных историях, которые происходили с маленькими лесными жителями, поселившимися в доме человека, вам расскажет Анатолий Агальцов в своей новой повести.

Фото Н. Бохонова

Муравьям-листорезам мог бы позавидовать любой портной: уж очень ловко они выстригают кусочки листьев. Зеленым дождем падают листочки с ветвей, сплошь укрывая землю под деревом. Со всех сторон бегут к ним фуражиры — муравьи-носильщики. Зажав жвалами добычу, муравьи спешат по протоптанному руслу тропинки к себе домой, в гнездо. Самих носильщиков не видно — их прикрывают зеленые паруса, которые весят больше самого фуражира. ▶

Листорезы догола «раздевают» деревья: за одну ночь большое густое дерево превращается в скелет. Только буйная растительность тропиков выдерживает нашествие шестиногих разбойников.

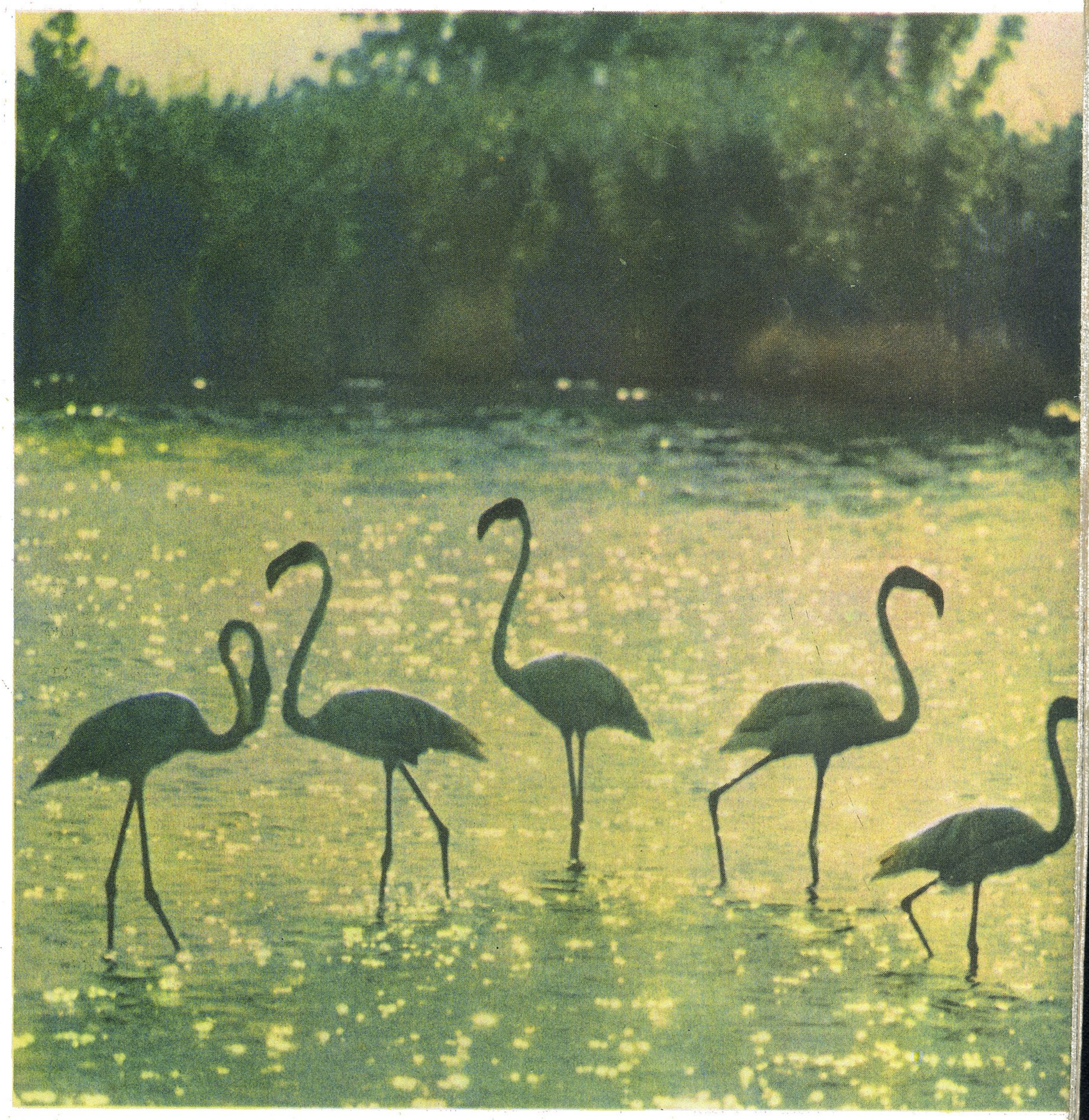
Застыли в вечном молчании причудливые скалы. Строго хранят они свою тайну. И кажется, ни один волшебник не сможет разгадать ее. Какая же далекая планета подарила нам этот гордый таинственный пейзаж? А планета вовсе и не далекая. Это Земля. И тайна этих скал проста. Когда-то здесь были большие и старые горы. Солнце нещадно их нагревало, и они испускали жар, как громадная горящая печь. ◀ А в зимние холода горы становились такими же холодными, как и суровые льды. Сильные дожди обрушивались на горы, и они постепенно теряли свою твердость.

Посмотрите на фотографию. Не правда ли, сразу и не подумаешь, что это обыкновенные земные скалы, что никакой таинственности в них нет: ветер и зной, засуха и ливни немало потрудились, прежде чем «вылепили» эти причудливые разноцветные скалы, утесы и обрывы.

Если вам хочется увидеть горностая, заберитесь повыше в горы, устройтесь поудобнее около каменной осыпи и запаситесь небольшим терпением. Оно обязательно будет вознаграждено, и вы сможете полюбоваться этим изящным зверьком.

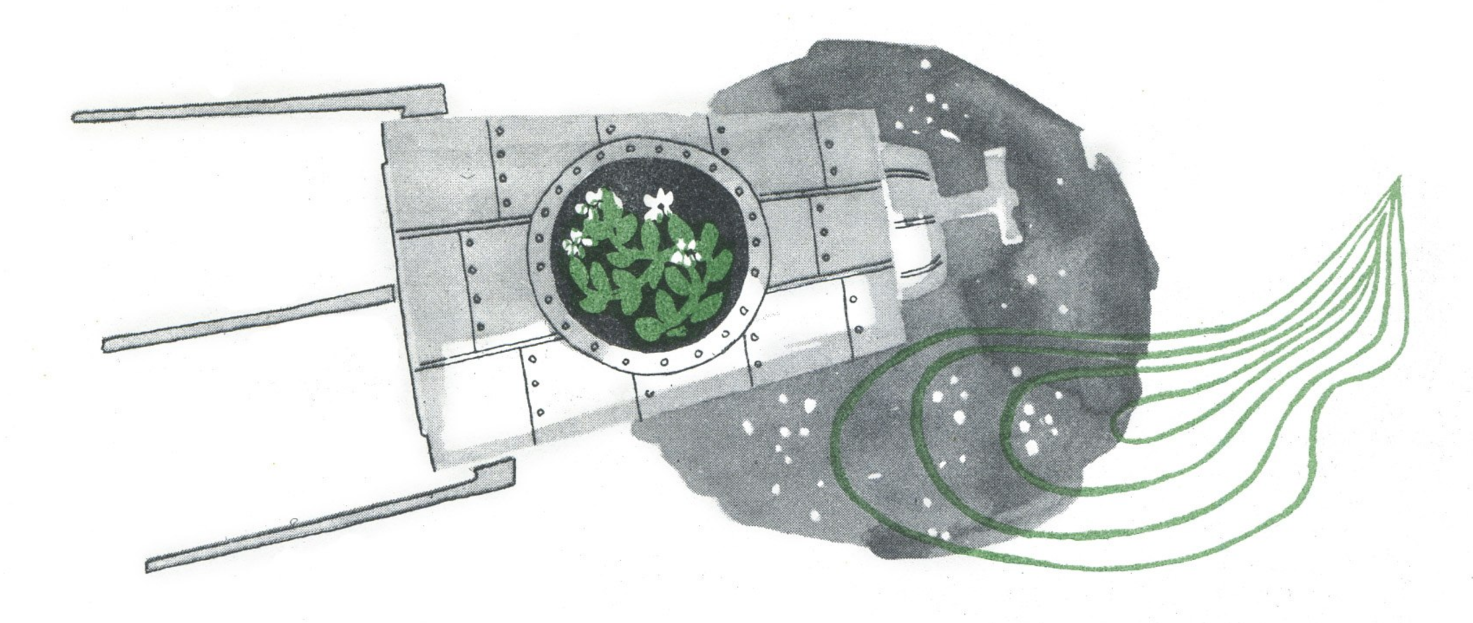
◀ Горностай, конечно, не только горный житель. Он живет и в зарослях вдоль озер и рек. Но среди камышей или густого подлеска горностая трудно увидеть. Другое дело — встретить его среди камней. К тому же зверек совершенно не боится человека, наоборот, из любопытства он непременно заберется на какой-нибудь камень повыше, чтобы получше разглядеть вас.

▲**С**лучится же такое. Посмотришь на воду и не заметишь ничего. И вдруг... Если это и продолжается несколько минут, все равно застывает в мгновение. И вовсе не птицы на воде, а розовые острова, которые при первой же опасности взмоют в небо и вытянутся в огненные линии. Пока все спокойно, и фламинго привычно расхаживают по воде, переставляя свои длинные ноги. Сфотографировать этих птиц трудно. Днем врасплох не застанешь. В каждой стае есть вожаки, которые строго несут свою дозорную службу.

◀**С** виду эти цветки ярки и нежны. Но попробуй-ка сорви. Ощетинится чертополох, никого не подпустит. Но хрупкая невесомая бабочка безбоязненно присаживается на цветок. Маленькую лакомку привлек сладкий сок. Полакомится им бабочка и улетит, а страшные колючки по-прежнему будут отпугивать непрошеных гостей.

ЦВЕТОК-КОСМОНАВТ

Скромному кустику традесканции очень повезло: отныне он может считать себя одним из самых знаменитых растений на Земле. Этот многолетний декоративный цветок совершил космическое путешествие.

Уже побывали в космосе дрожжи и бактерии, одноклеточные водоросли и даже цветущие ветки растений. Но на этот раз на корабле-спутнике «Космос-110» в полет впервые отправили целое растение — с корнями, стеблем, цветками. 22 дня продолжался полет. По нескольку раз в течение суток контейнер с традесканцией, установленный внутри корабля-спутника, удалялся более чем на 900 километров от Земли. Мощные потоки электронов, протонов и других мельчайших частиц (меньших, чем атомы) пронизывали на такой высоте стенки корабля и контейнера, листья и стебли традесканции. И, представьте себе, растению это «понравилось». Когда после приземления его внимательно осмотрели и исследовали, оказалось, что листья сохранили упругость и цвет. Во время полета распустилось несколько новых ярких цветков, а само растение стало гораздо больше оставленных на Земле. Произошли и удивительные изменения: обычно ровный стебель традесканции изогнулся и даже завился винтом. Когда попробовали также изогнуть стебель «земного» растения, он сломался. Все эти данные сейчас изучаются. Они очень помогут при подготовке к дальним полетам не только растений и животных, но и человека.

В. СЕРГЕЕВ

ЩЕДРОСТЬ ПУСТЫНИ

Тусклая от зноя, мертвая степь. Круглые, как яичные желтки, барханы, между которыми жмется, стелется к земле верблюжья колючка. Ни островка зелени. Нет-нет и покажется коричневая проплешина такыра — твердого, как асфальт, клочка глинистой земли — да белое пятно солончака — клеймо бесплодия. Земля — мумия, безводная пустошь, воинственная Запорожская Сечь суховеев, совершающих отсюда опустошительные набеги на плодородные оазисы. Такой казалась людям пустыня всегда.

Казалась, но уже не кажется. Ученые установили, что громадные пустынные пространства на территории Средней Азии и Казахстана не такие уж бесплодные. Пустыня, как выяснилось, втихомолку припрятывает в своих песках громадные подземные озера пресной воды. И обнаружили их, как ни странно, не геологи, а... ботаники.

Всякий, кому приходилось бывать в тех местах, вероятно, обращал внимание на кусты чия, резко выделяющиеся среди скудной пустынной растительности. У чия добрые, приятельские отношения с пустыней, только одному ему она доверяет свою тайну — рассказывает о местах, где под сухим песком скрыты запасы влаги. Длинные корни чия подтягиваются к пресной воде, и растения великолепно растут среди песка и пронзительного солнца.

А что, если разводить в этих, местах огородные культуры или, скажем, разбить сады? За решение этой задачи взялись сотрудники Приаральской опытной станции, расположенной в городе Челкаре на юге Актюбинской области

Прежде всего нужно добраться до воды. Делается это так. На то место, где растет чий, подъезжает экскаватор, снимает верхний плодородный слой, сбрасывает его в одну сторону, а песок — в другую. Верхний плодородный слой укладывается потом на дно траншеи и засаживается огородными культурами или саженцами плодовых деревьев.

Просто?.. Просто, да не совсем. Важно очень точно определить глубину траншеи для каждой культуры. Дело в том, что летом уровень грунтовой воды понижается и посадить растения нужно так, чтобы корни их успевали дорастать до убегающей влаги.

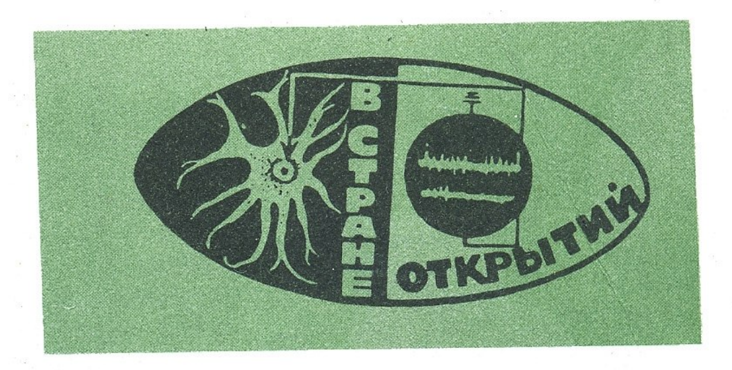
В траншеях саженцы чувствуют себя, как птенцы в гнездышке. Им не страшны жаркие суховеи, песчаные бури — они проносятся сверху над их головами и не мешают развитию. Обилие солнца, влаги, тропический микроклимат, возникающий в траншеях, делают свое дело: растения растут так, будто их гонит из земли какая-то чудотворная сила.

Когда я первый раз увидел траншейное земледелие, то был, что называется, ошеломлен: кочаны капусты не обхватишь руками, морковь чуть не метровой длины. Тут же грели на солнце свои полосатые животы сахарные арбузы, струился запах чеснока, лука, сельдерея. А по соседству простирался фруктовый сад: на желтый бархат песка свисали краснощекие яблоки, крупные сочные груши.

Позднее в кабинете директора станции, молодого кандидата сельскохозяйственных наук Александра Ивановича Иванова я записал несколько цифр: урожай картофеля в траншеях составляет 780 центнеров с гектара, томатов — 1000—1200, моркови — 780, огурцов — 600, лука — 200 центнеров. Это в два-три раза больше, чем на обычных поливных участках.

Так человек своими руками облагораживает природу, создает новый, невиданный в этих местах ландшафт, новый климат.

Ю. ПОЛКОВНИКОВ

СУХОПУТНЫЕ ВОДОРОСЛИ

Более 500 миллионов лет назад первые наземные водоросли помогли растениям завоевать сушу. Неприхотливые, быстро растущие, они образовывали на бесплодных скалах зеленые корочки и пленки. А когда водоросли умирали, их остатки превращались в своеобразную «затравку» для образования почвы, в которой могли уже угнездиться корни высших растений.

Чтобы увидеть пленки и корочки водорослей на бесплодных скалах и песках, вовсе не требуется совершать путешествие на машине времени. Достаточно побывать где-нибудь на берегу Белого моря или в песках пустынь Средней Азии. И в наши дни одноклеточные сине-зеленые и другие водоросли ведут кропотливую работу по созданию почвенного покрова.

Не огорчайтесь, если вы живете далеко от пустынь и берегов северных морей. На самых обычных пашнях до посева и после уборки сельскохозяйственных культур часто можно обнаружить позеленевшие комочки почвы. Это явление биологи и почвоведы называют «цветением почвы». Вызывается оно массовым развитием водорослей. Особенно бурно цветет почва, когда она хорошо прогревается и увлажняется. В такие годы можно ожидать хорошего урожая. Поэтому появление зеленых комочков земли на пашне считается хорошим признаком.

В последние годы ученых интересует, сколько одноклеточных водорослей живет на полях и пашнях. Оказалось, что в благоприятные годы в каждом грамме поверхностного слоя почвы (глубоко под землей, куда не проникает свет, водоросли жить не могут) обитают десятки и сотни тысяч крохотных водорослей. Все вместе они приносят немалую пользу: бывает, за лето они обогатят гектар пашни 500 килограммами органического вещества.

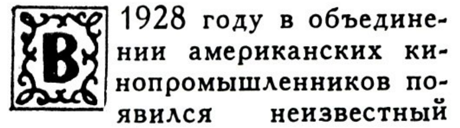
Где еще можно встретить разведчиков жизни? На камнях в лесу, на отвалах строительного мусора, на осколке кирпича, заброшенного кем-то в сад. Одноклеточные сине-зеленые и другие водоросли вездесущи.

И где бы вы ни проводили лето, вы без труда сумеете обнаружить их. А если вы еще составите карту распространения «зарослей» сухопутных водорослей вашего района, то этим окажете услугу агрономам: ведь водоросли — предвестники урожаев.

С. ВЛАДИМИРОВ

ДРУЗЬЯ МИККИ-МАУСА

В 1928 году в объединении американских кинопромышленников появился неизвестный молодой человек с маленьким чемоданом в руке. В чемодане оказались запасная рубашка и ролик рисованного фильма. Это прибыл в Голливуд художник-хроникер Уолт Дисней.

Немало профессий пришлось перепробовать Диснею в жизни. Девятилетним мальчиком он продавал газеты, в молодости работал шофером. Занимаясь на вечерних курсах в Академии изящных искусств в Чикаго, он приобрел художественные навыки и потом попробовал свои силы в мультипликации.

В Голливуде ему удалось заключить контракт на серию рисунков к мультфильму «Алиса в стране чудес». Конкуренты преследовали его, предъявляя свои права на персонажей фильмов Диснея. Тогда, чтобы получить художественную самостоятельность, Дисней ввел в кино нового героя, ставшего потом знаменитым, — мышонка Микки-Мауса.

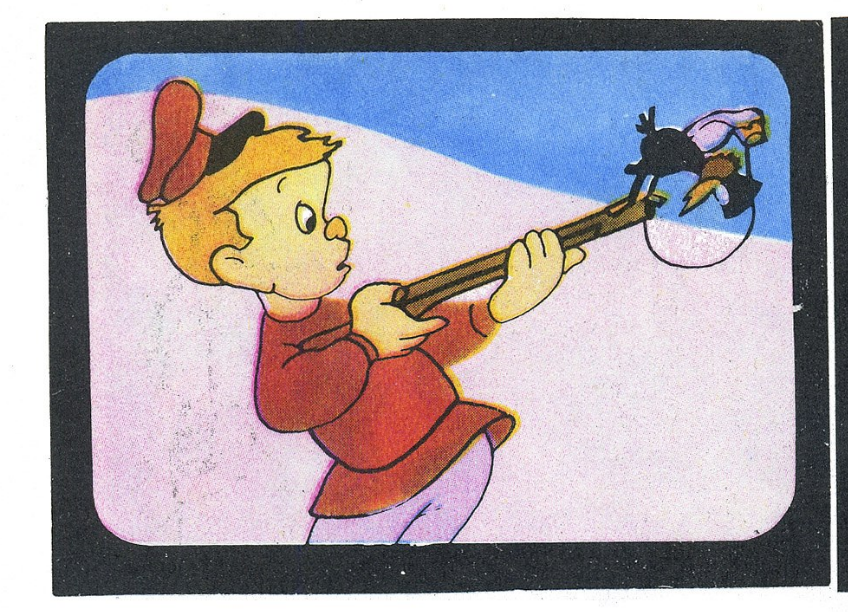

Известность Диснея быстро росла. Он выпускал несложные короткометражки о забавных зверюшках, вызывающих симпатию у детей, и о бесхитростных героях из классической литературы XIX века. Добрые мысли, любовь к природе, художественная выдумка отличают его фильмы. У нового кинорежиссера были глаза, способные видеть то, чего не видел никто другой. Он мог подметить причудливый брачный танец птиц и создать на его основе комический балет в одном из своих фильмов о природе, долго глядеть на дверную ручку, а затем, снабдив ее ртом и ушами, превратить в одного из забавнейших персонажей своего мультфильма. Его герои изобретательны и остроумны, за комичной внешностью зверюшек крылись смешные человеческие слабости. Дисней был подлинный волшебник киномультипликации.

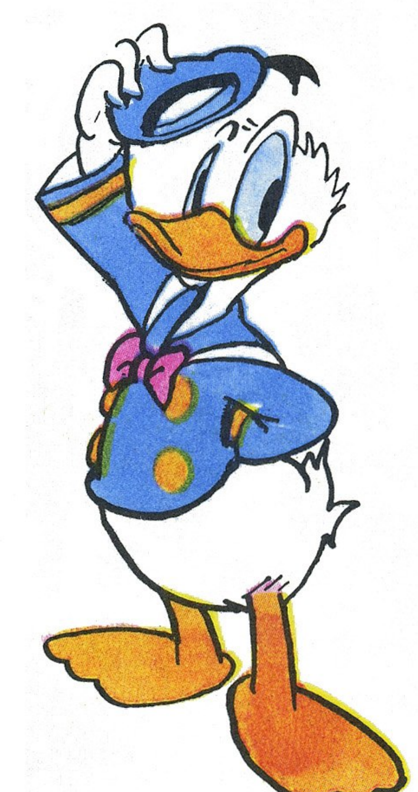
Прошло некоторое время, и на экраны вышли полнометражные рисованные фильмы Диснея. Многие из них — «Белоснежка и семь гномов», «Бэмби», ставшие вершиной его творчества, и другие продержались на экране целые десятилетия.

Живая природа для Диснея была источником его творчества. Обдумывая образы героев своих будущих фильмов, он часто и внимательно просматривал специально снятые им документальные фильмы о животных. Позже на основе кадров из этих фильмов Диснея издавал богато иллюстрированные книги и альбомы-каталоги.

Дисней прославился не только как режиссер рисованных фильмов и прекрасный фотограф мира животных, но и как создатель огромного детского парка, получившего название «Диснейлэнд». Эта «Страна Диснея» населена механическими диковинками. Здесь можно увидеть бегемотов, широко разевающих свои пластмассовые пасти; побывать в подводных гротах; покататься на пароходе, на котором некогда катались Том Сойер и его неразлучный приятель Гек; услышать крики самых редких зверей и птиц, побеседовать с американскими индейцами в их вигваме. Одной из последних новинок в этой стране чудес был огромный дом с привидениями, где полным-полно всевозможных духов, чертей и домовых.

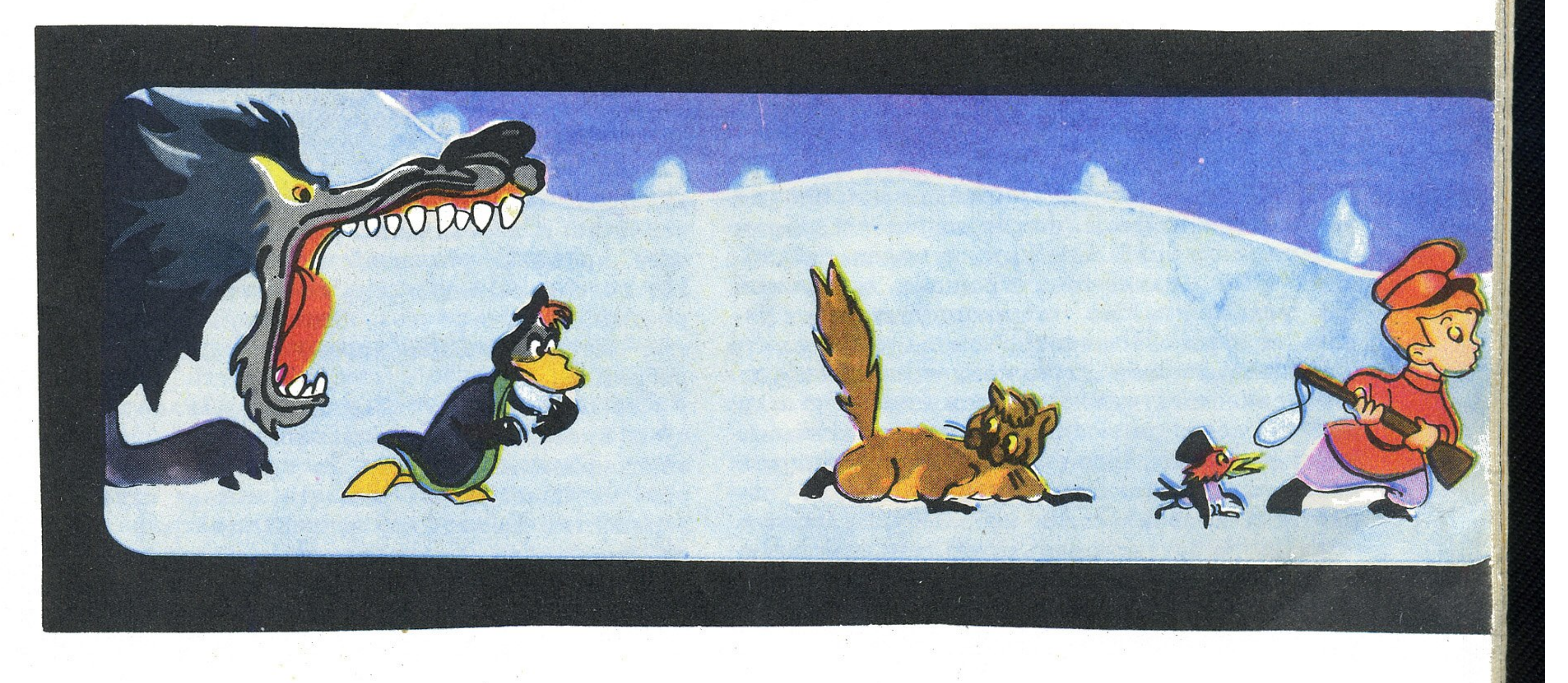

Вот уже больше сорока лет радуются люди приключениям Микки-Мауса и при этом вспоминают слова Диснея:

— Наша цель — вызывать чувство радости у людей, заставлять их смеяться.

Сегодня вы увидите серебряного хачета и зобатого аиста из одной книги Диснея. А в 1969 году мы познакомим вас и с другими животными с его кинолент.

Милости просим к друзьям Микки-Мауса!

Серебряный хачет

Время от времени рыбаки вытаскивают из моря с массой отливающих серебром сардин, скумбрий или других видов съедобных рыб какие-то странные создания. Но редко кто из моряков пытается узнать, что это за животное.

Однако нет-нет да и придет кому-нибудь в голову отнести попавшуюся странную или просто незнакомую рыбу ученым. Именно такой случай произошел лет тридцать назад на побережье Сицилии. Рыбак обнаружил в своих сетях небольшую глубоководную рыбу, которая оказалась неизвестной науке. Эта крошечная рыбка едва достигала в длину пяти сантиметров. В передней части она была очень толстая, а у хвоста совсем тонкая. Своим видом рыбка напоминала какой-то ручной инструмент с небольшой рукояткой. По этому признаку было решено назвать новую рыбу хачет (что в переводе на русский язык означает «резак», «большой нож», «топорик»). Но поскольку она имела сверкающий серебристый цвет, к ее названию прибавили еще латинское слово «аргуропелекус» — серебряный.

Серебряные хачеты живут в Атлантическом океане и в Средиземном море. Они опускаются на глубину до трех тысяч метров, но плавают всего в ста метрах от поверхности. Возможно, в верхние слои моря они поднимаются вместе с мощными восходящими потоками воды, с которыми не в силах справиться.

Зобатый аист

На болотистых просторах Центральной и Южной Америки можно увидеть высокую птицу. Величественно вышагивает она по высоким болотным травам на длинных черных ногах, отыскивая лягушек и насекомых. Ее толстый тридцатисантиметровый клюв слегка открыт, готовый каждую секунду схватить подвернувшуюся добычу. Голова и шея птицы без перьев, окрашена в черный или темно-серый цвет. Только нижняя часть шеи оранжево-красная. Время от времени эта птица сильно раздувает шею. При этом ее нижняя часть настолько расширяется, что становится больше самой головы.

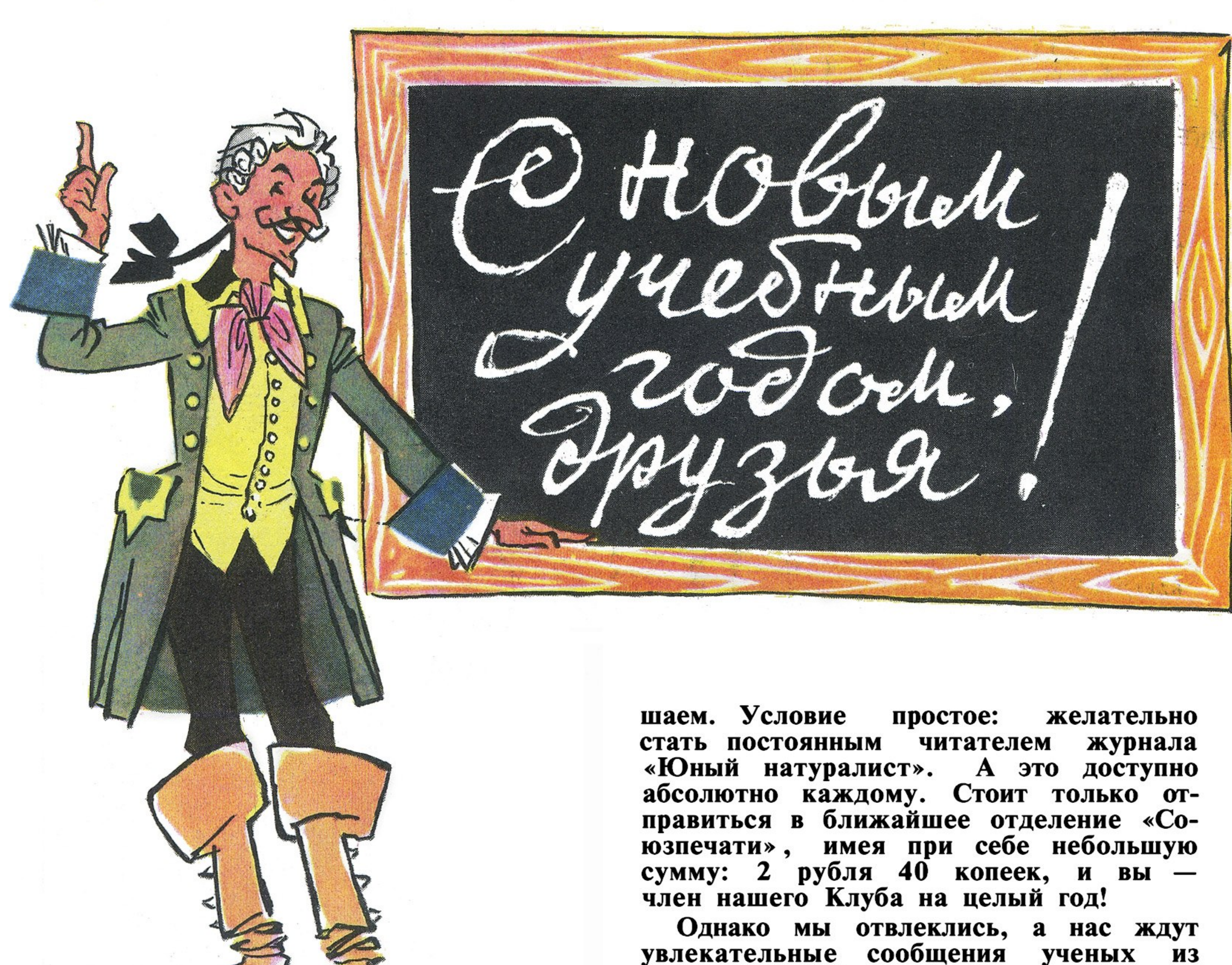
Это зобатый аист — один из семнадцати известных науке видов аистов. Он живет в дикой глуши и гнездится колониями.

Гнездо птицы — огромное и неуклюжее сооружение, которое, кажется, только чудом удерживается на вершине высокого дерева. Птицы живут в них несколько лет, подновляя гнездо каждую весну.

Как и вообще все аисты, зобатые — птицы безголосые. При необходимости они стучат своими тяжелыми клювами и только в редких случаях шипят или «ворчат».

Аисты очень древние птицы. Ученые находят ископаемые остатки этих пернатых в слоях, возраст которых пятьдесят миллионов лет.

В последние годы аистов становится все меньше. Вероятно, это объясняется ростом городов и осушением болот.

Как всегда, чрезвычайно рад вновь встретиться с вами, уважаемые Почемучки!

Признаться, сегодня я глубоко завидую вам, друзья мои, ибо вы начали новый учебный год, каждый день которого подобен заседанию нашего Клуба. Нетрудно догадаться, я имею в виду ваши открытия на школьных уроках. А все без исключения Почемучки на уроках так же любопытны, как и в минуты работы нашего Клуба, не правда ли?

А теперь — внимание, Почемучки! Всех, кто еще не успел стать членом нашего Клуба, мы с радостью приглашаем. Условие простое: желательно стать постоянным читателем журнала «Юный натуралист». А это доступно абсолютно каждому. Стоит только отправиться в ближайшее отделение «Союзпечати», имея при себе небольшую сумму: 2 рубля 40 копеек, и вы — член нашего Клуба на целый год!

Однако мы отвлеклись, а нас ждут увлекательные сообщения ученых из экспедиции «Чудеса вокруг света».

Первое сообщение доставила профессор Надежда Николаевна Сушкина.

ЗЕМЛЯ БЕЗ ЗЕМЛИ

На Крайнем Севере нашей Родины, за 80° северной широты, раскинулся большой архипелаг островов, носящий название Земли Франца-Иосифа.

Собственно, земли-то на архипелаге почти и нет. Девять десятых суши покрыты здесь льдом и снегом. Кое-где выдаются черные скалы мысов, свободные ото льда, и лишь на немногих островах можно найти небольшие бесснежные участки суши, покрытые голой каменной щебенкой.

Лед одевает эту землю, заполняет и сглаживает все неровности ее рельефа и, точно шапками, покрывает большие и малые острова. Эти ледяные шапки-колпаки называются куполами или щитами. Поверхность их гладкая и ровная — трещины во льду, занесенные снегом, незаметны. Склоны куполов постепенно и полого спускаются на сушу или к морю. По ним можно довольно легко подняться на купол. Если бы там не было трещин во льду да глубокого снега, пожалуй, без особого труда на купол въезжали бы машины.

Но к морю купола обрываются отвесными ледяными стенами — ледяными барьерами, обычно метров 25—30 высотой. Такие барьеры тянутся иногда на сотни километров, образуя берег островов. Если купол накрывает более крутые склоны суши, то лед, растрескиваясь при спуске с таких склонов, может образовать небольшие ледопады. От ледяных стен куполов отрываются айсберги — высокие ледяные горы.

Ледяные купола огромны. К примеру, толща льда, покрывающего Гренландию, более тысячи метров. На Земле Франца-Иосифа она, видимо, не превышает метров трехсот.

Блестят и искрятся купола на солнце на фоне голубого неба, но чаще туман ложится вокруг островов,, и в общую серую завесу сливаются лед, снег и нависшие тяжелые облака.

Только что мы побывали на Крайнем Севере. Но наша экспедиция привозит чудеса со всего света, из самых разных уголков Земли.

Читайте второе сообщение. Его привез Павел Иустинович Мариковский с южных теплых мест.

ХИТРЫЙ КТЫРЬ

Под ногами шуршит песок, и посох равномерно и мягко постукивает о дорогу. Впереди бесконечные песчаные холмы, покрытые редкими кустиками белого саксаула. Скоро ли кончится песчаная пустыня? Наконец показались темно-красные скалы Большого Калкана. Там наш бивак.

КЛУБ ПОЧЕМУЧЕК

Во всем сказывается осень. Главное же — не стало насекомых, от этого и скучно в пустыне. Кое-где перебежит дорогу песчаный муравей, на длинных ходульных ногах проковыляет чернотелка, сверкнет крылом песчаная кобылочка. Но вот откуда-то появился особенный ктырь Апоклеа тривиалис. Не как все. Пролетит вперед, сядет на дорогу, повернется головой навстречу и уставившись большими черными глазами, рассматривает меня. И так много раз. Что ему надо? Неужели такой любопытный?

И снова мерное шуршание шагов, постукивание посоха и теперь еще этот неожиданный спутник. Понравилось со мною. Ну что же, может быть, и до бивака вместе доберемся. Но из-под ног неожиданно вылетает большая муха, ктырь бросается на нее. Удар сверху, падение вместе на землю, несколько секунд неподвижности, и удачливый охотник поднялся вместе с добычей в воздух и летит от дороги прочь.

Так вот зачем он меня провожал! Ожидал, когда из-под моих ног вылетит напуганное насекомое. Чем плоха уловка? Интересно узнать, что это—древний инстинкт, проснувшийся в ктыре, или, быть может, личный и случайно приобретенный опыт?

Так ведут себя многие животные. Рядом с поездом летит соколок, ожидая, когда из придорожных зарослей вылетит напуганная грохотом жёлеза пичужка. Провожает автомашину лунь, высматривая, не шелохнется ли осторожная мышка, затаившаяся в траве, возле овец крутятся ласточки во время похолодания и ловят на лету поднятых из травы мошек, а скворцы усаживаются на спины пасущихся животных и оттуда высматривают потревоженных кобылок.

Тот, кто не просто в лесу или в поле ходит-бродит, а оглядывается, прислушивается, чего-чего только не увидит, каких только секретов не откроет! Позвольте, к примеру, спросить вас: а какая на вкус трава? Что, затрудняетесь ответить? В таком случае вам расскажет об этом Ефим Алексеевич Тосенко.

СОЛОНЕЦ-ТРАВА

Есть трава горькая, кислая, даже, говорят, сладкая бывает. Только вроде бы соленой нет. А вот и есть. Растет она в степях, вблизи морей и соленых озер. И называется солонец-трава.

Трава она особенная. Нет на ней листьев. Стебель есть, ветви есть, а на них — колосья. Они похожи на березовые семенники, только сочные, тяжелые. Куст солонца сантиметров в 25 высотой весит иногда до 300—400 граммов. Но это бывает, если солонец вырос на просторе. В сплошных же зарослях веток на кустах мало, колосья поменьше, и все тянутся вверх.

Пройдешь по такому полю, оглянешься, а твой след словно живой — так и движется, так и колышется. Это тяжелые колоски на слабых стебельках все качаются, успокоиться не могут.

В начале лета, когда земля напьется досыта, солонец зеленый. Но начнет влага убывать, и трава краснеет. А в конце лета и вовсе становится оранжевой.

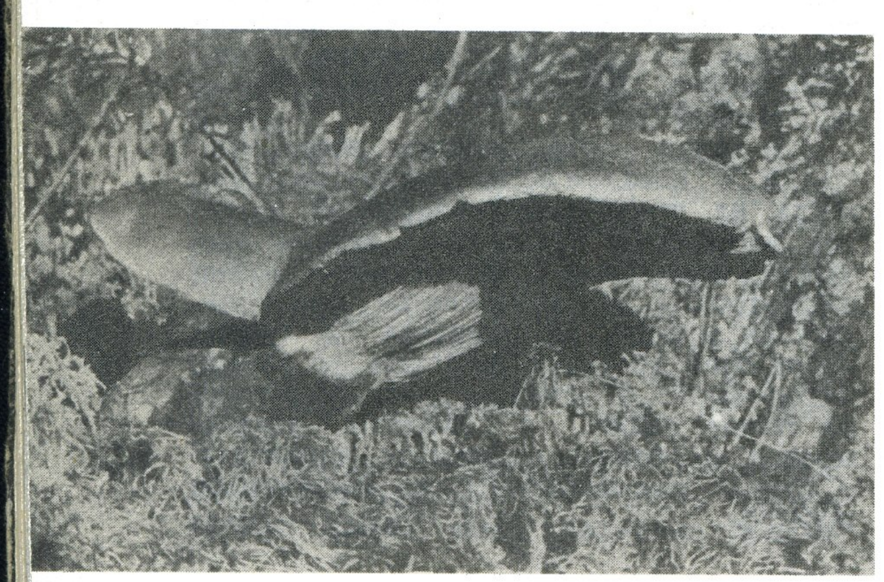
Летом скотина солонец обходит. Зато осенью, когда трава эта подсохнет, а росы и морозы выберут у нее лишнюю соль, солонец — первосортный корм и коровам и овцам.

Не скажу вам ничего необыкновенного, если сообщу, что есть на свете дерево эвкалипт. Его имя многим знакомо, а вам, Почемучкам, и подавно. Однако не все знают, почему эвкалипт называют деревом чудес, деревом-насосом.

Так вот, слушайте.

ДЕРЕВО-НАСОС

Так называют коренные жители Австралии эвкалипт. В эвкалиптовых лесах они находили себе убежище.

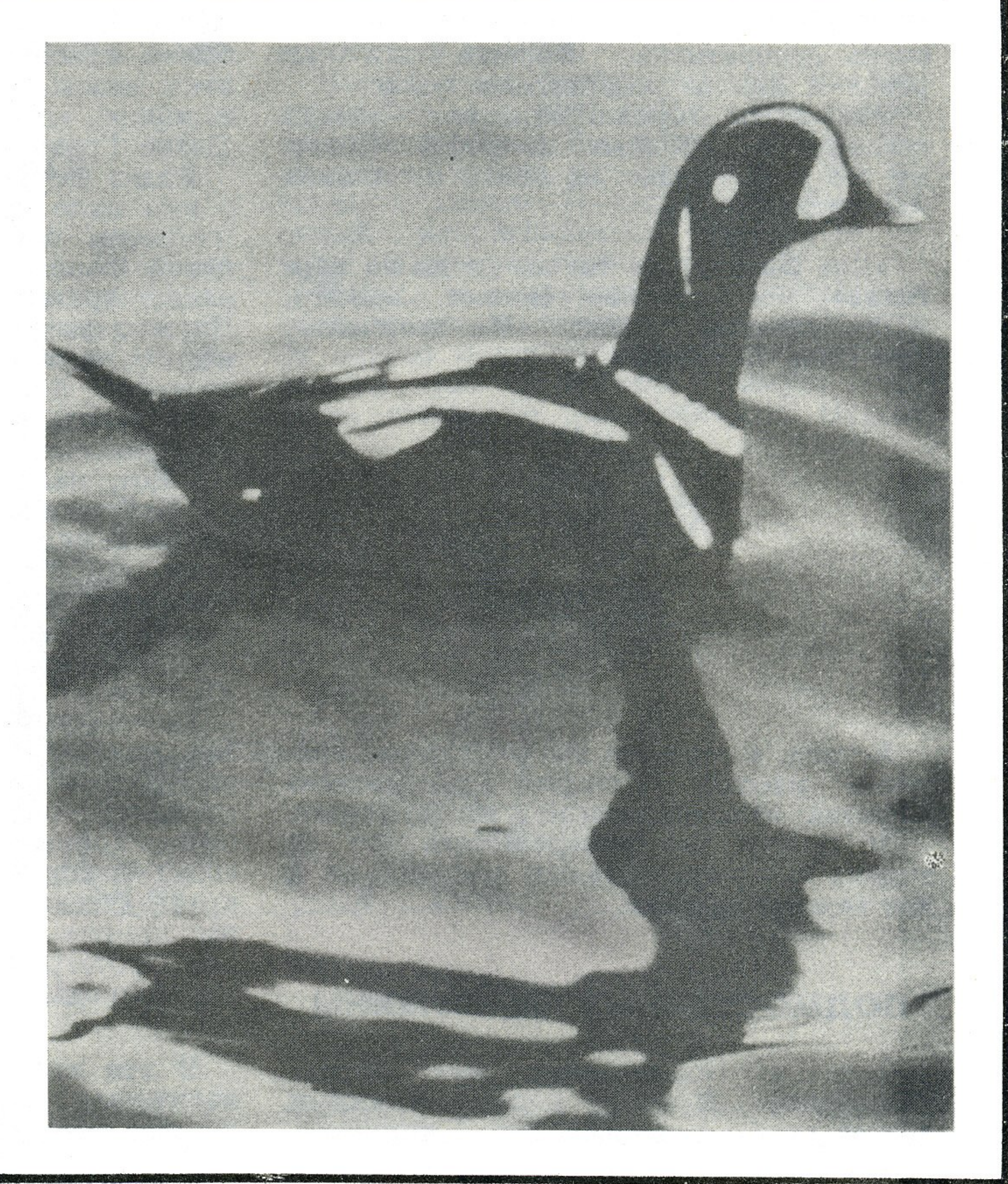
Прошу вас взглянуть на эти снимки как можно внимательней. Предполагаю, всякий скажет: что же тут удивительного, грибы как грибы. А вот и не простые они. А какие? Тому, кто знаком с грибной азбукой, назвать их весьма просто, а остальным придется-таки поломать голову. Именно для этого вам, Почемучки, и показываю я эти грибные портреты. Узнайте их, съедобны ли они?

Не правда ли редкой красоты птица? Какие перышки, какой наряд!

Ее портрет в наш Клуб прислал Сергей Владимирович Мараков вместе с этим небольшим рассказом.

Эта красивая пестрая уточка — жительница прибойной полосы наших северных и дальневосточных морей. Круглый год там, где море не замерзает, плавают уточки среди пенящихся валов, ловко укрываясь под водой от накатов. Здесь они отыскивают различную морскую живность. На береговых камнях отдыхают.

Только чтобы вывести утят, покидают они родное море. Птицы летят вверх по течению горных ручьев и речек. Там уточка-каменушка устраивает гнездо, выводит утят и с ними по стремительным потокам спускается опять к морю.

Эвкалиптовые дрова согревали их, а листья дерева избавляли от ран. Даже сладости давал людям эвкалипт. Они слизывали сладкий сок с листьев.

Эвкалипт — гигант зеленого мира. Однажды нашли эвкалипт высотой в 155 метров. Да и сейчас на родине этих деревьев — в Австралии — сохранились великаны стометровой высоты. На Международной выставке в Лондоне демонстрировалась целая доска длиной более 70 метров. Вырезали ее из ствола зеленого гиганта.

Оказывается, эвкалипты — самые быстрорастущие деревья в мире. За двадцать лет они могут дать столько древесины, сколько другие деревья дадут лишь за сто! К тому же древесина эвкалипта тверда, надежна, не гниет. Еще в Петербурге на Невском проспекте часть мостовой была вымощена прочными шашками из австралийского эвкалипта. А в Мельбурне торцовая мостовая из эвкалиптовых шашек служила около ста лет.

Газеты в Австралии печатаются на бумаге, вырабатываемой только из эвкалиптовой древесины, а поросль эвкалиптов там используют на корм скоту.

На ярко-оранжевые цветки эвкалипта спешат пчелы за нектаром. Эвкалиптовый мед славится своими целебными качествами.

Эти деревья часто называют и зелеными насосами. Их мощные корни жадно высасывают влагу из почвы. Поэтому во многих южных странах эвкалипты высаживают на болотах. И вскоре все болото оказывается осушенным.

Эвкалипт часто называют и деревом-аптекой. Препараты из его листьев помогают лечить гнойные раны, незаживающие язвы.

У нас эвкалипты выращивают на Черноморском побережье Кавказа. Они очень декоративны. Хороши эти деревья и для ветрозащитных полос.

Эвкалипты хорошо очищают воздух комнаты от вредных микробов. Поэтому его выращивают на окнах в горшках или кадках.

«Вот бы увидеть такое, но не на картинке», — возможно, скажет кое-кто. Я бы ответил такому: «Не огорчайся, друг мой, и помни:

Кстати, в этом вы все убедитесь, прочитав рассказ Валерия Григорьевича Баркова «Подмосковные жемчужины». И прошу вас воспринимать его не только как удивительный рассказ, но и как важное задание.

ПОДМОСКОВНЫЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Есть в Подмосковье дом отдыха «Марфино». В парке перед старинным домом стоит огромный вяз, которому, наверное, более 300 лет. Дом отдыха находится в бывшем поместье князей Прозоровских — родителей жены А. В. Суворова. Великий полководец бывал здесь и наверняка сиживал под этим вязом. А посажен этот вяз был, наверное, еще при Борисе Годунове или Иване Грозном.

Разве не интересное дерево? А ведь о нем мало кто знает.

Совсем близко от Московской кольцевой дороги, у Дмитровского шоссе, растет трехсотлетний клен серебристый. Другого такого старинного клена, очевидно, не найдешь во всем Подмосковье.

И таких интересных, редких и ценных растений у нас в Подмосковье много. Вот, например, поблизости от города Бабушкина целый гектар земли засажен семидесятилетним кедром сибирским, который уже приносит урожай орешков. А гнездовье серых цапель на берегу Учинского водохранилища? Или колония барсуков близ дома отдыха «Пестово»?

Кончились ваши летние каникулы. Вы, наверное, уже побывали в различных уголках нашей Родины, видели много интересного и ценного. Было бы очень хорошо, если бы вы, ребята, о своих находках сообщили в местные краеведческие музеи, в общества охраны природы, принесли с собой описания, фотографии и зарисовки памятников природы. И нам написали об этом.

В эти минуты, когда я, преспокойно посиживая в кресле, с огромным увлечением беседую с вами, друзья мои, вспоминается мне одно из моих путешествий в лесах Южной Америки.

Я шел пешком. Мой конь, не выдержав трудного пути, уже давно не мог передвигать ноги, и я оставил его на дороге, пообещав вернуться за ним, как только найду человеческое жилье. Найду ли? Силы мои таяли с каждой минутой. Я брел куда глаза глядят...

— Откуда ты, чужестранец? — услышал я совсем рядом, но не успел разглядеть того, кто окликнул меня. Силы покинули меня, и я упал, уткнувшись лицом в землю.

Очнулся я, чувствуя, как в рот мой вливается горьковатая жидкость. А вместе с ней удивительная бодрость. Я чувствовал, как силы возвращаются ко мне. Рядом сидел старый индеец и одобрительно улыбался.

— О, скажи мне, почтенный старик, что за чудесный напиток бодрости ты дал мне испробовать?

— Мате! — коротко ответил он.

Догадываюсь, как вам не терпится узнать секрет чудесного напитка. Минутку терпения, и вам все станет ясно из рассказа Бориса Алексеевича Александрова.

ПАРАГВАЙСКИЙ ЧАЙ

Каких только диковинных деревьев не встретишь в лесах Южной Америки! Но на одно из них обратили внимание еще в глубокой древности, задолго до открытия Америки. Это дерево давало индейцам чудесный бодрящий напиток.

Дерево назвали парагвайским чаем. С виду в нем нет ничего необычного. Высота его небольшая, до 13 метров, кора гладкая, беловатая. Листья глянцевые, длиной 7—10 сантиметров. Цветет парагвайский чай в октябре—декабре, когда в южном полушарии стоит весна.

Но за неприметной внешностью дерева индейцы сумели угадать необыкновенные свойства его листьев. Из листьев чая они получили напиток, который назвали мате. По вкусу он напоминает наш крепкий чай, только немножко горьковатее.

В Аргентине и некоторых странах Южной Америки мате пьют по определенным правилам. Их придерживаются с глубокой старины. Мате никогда не пьют стоя. Это было бы неуважением к замечательному напитку. Гости обычно рассаживаются по возрасту.

Пьют мате из особой посуды. Раньше чаще всего использовали высушенную тыкву, в которую вставляли медную трубочку. Тыкву искусно разрисовывали. В наше время ее часто заменяют консервной банкой из-под сгущенного молока. Но бывают фляжки и из золота или серебра.

Настой мате быстро чернеет на воздухе. Его надо пить сразу, как только приготовят. Если бы мате, как чай, наливали в чашки, то он чернел бы на глазах пьющего. И вид у него был бы самый неприглядный. Поэтому-то и пьют мате через трубочку.

Посуда с заваренным парагвайским чаем плавно и торжественно переходит от одного к другому. При этом соблюдаются строгие правила. Тянуть жидкость можно не более минуты. Нельзя требовать напиток вне очереди. Приняв мате от своего соседа, нужно спросить его, не желает ли он повторить. Тот должен непременно отказаться.

Все тянут напиток из одной и той же трубочки. Вытирать ее после соседа считается невежливым. Не зная всех этих правил, иной европеец нередко теряется.

Обычай этот пошел от индейских вождей. На своих советах они выкуривали по очереди «трубку мира».

В нашей стране это теплолюбивое вечнозеленое растение выращивают в оранжереях и в комнатах.

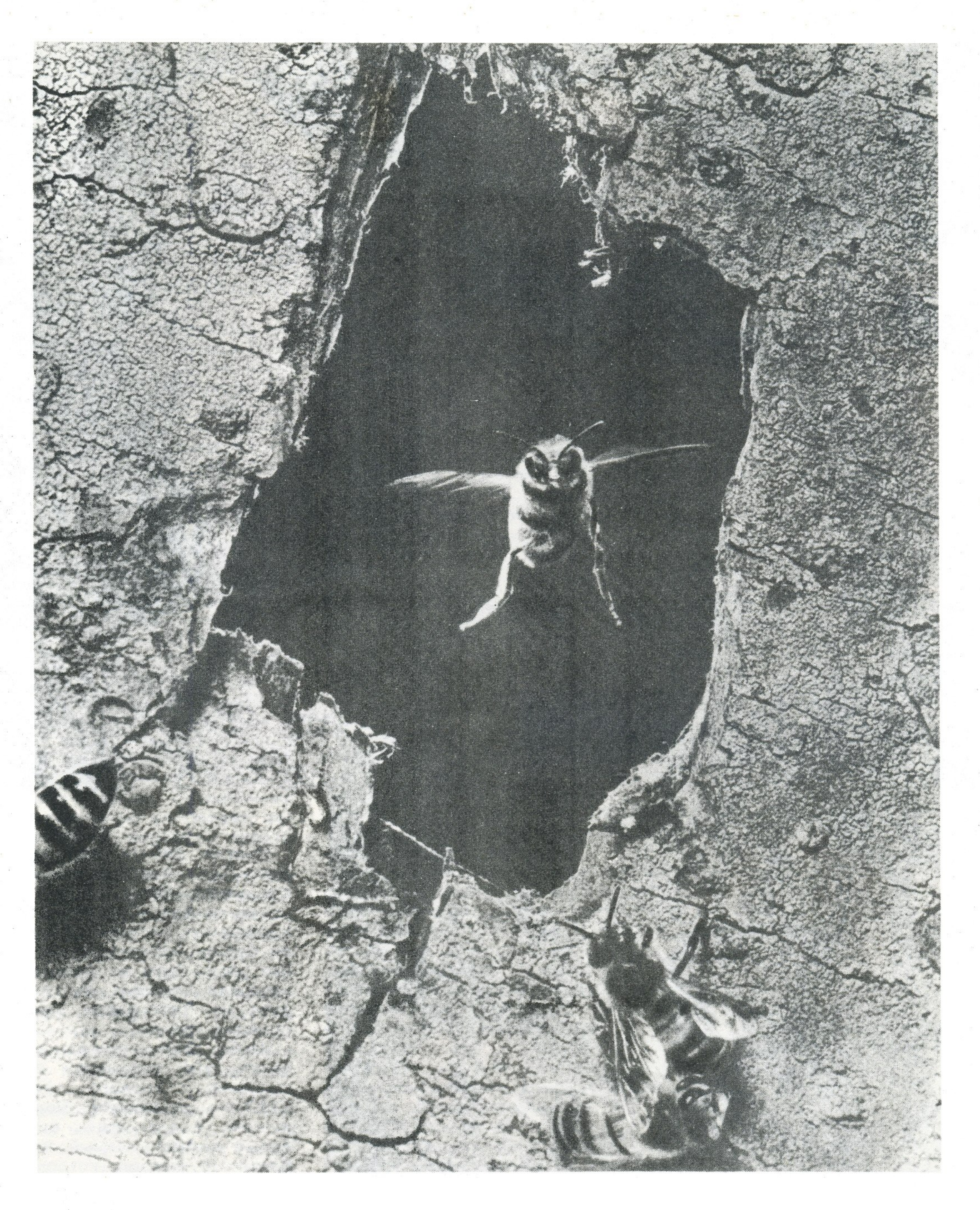
Прежде чем попрощаться с вами до следующей встречи, я позволю себе сделать еще одно короткое сообщение. Жюри Клуба Почемучек просит предупредить вас о том, что ровно через три месяца подводит итоги всех конкурсов. Торопитесь, Почемучки, прислать ответы на все задания!

До следующей встречи!

Маленький тапиренок совсем не похож на своих родителей. Ибо только до шести месяцев малыш носит такой яркий, пестрый наряд.

В наши дни на Земле сохранилось немного тапиров четырех видов. Американский тапир живет в лесах Центральной Америки. В долине Амазонки обитает бразильский тапир, а волосатый встречается в южноамериканских Андах. Единственный вид этого животного, обитающего в других частях света, — тапир Юго-Восточной Азии. Мех у него черно-белый. Американские тапиры коричневые.

Все лето не умолкает возле пчелиного «домика» непрерывный, монотонный гул. Одна за другой поднимаются в воздух пчелы. А навстречу им летят другие, нагруженные сладким нектаром или облепленные цветочной пыльцой.

Давно живут пчелы рядом с человеком. А назвать их домашними все еще нельзя. Улетит рой с пасеки — и пчелы нисколько не страдают, что живут одни, что их никто не опекает. Но попробуйте отловить диких пчел и посадить их в улей. Не всегда это удается. Да и поймать маленьких тружениц нелегко.

Такой уж у нас порядок в редакции: самые интересные письма мы читаем все вместе, вслух. Это, пожалуй, самое оживленное и шумное время нашего рабочего дня. Одни письма вызывают улыбку; другие вводят в раздумье. А иные — их, к счастью, немного, — вызывают обиду за того, кто их пишет.

Но больше всего мы получаем писем-вопросов. И нас радует, что читатели «Юного натуралиста» такие любознательные и пытливые.

Сашу Милева из Вологодской области, например, интересует: могут ли размножаться черепахи в неволе и как определить возраст черепахи? Лена Севостьянова из г. Шацка спрашивает, сколько лет живет соловей и чем питается. Аида Кендыбаева из Чимкента пишет: «Скажите, пожалуйста, умеют ли звери и птицы считать? Можно ли курицу научить говорить?»

Многие ребята спрашивают, где можно приобрести щенка. Куда обратиться за семенами цветочных и овощных растений? Надо ли будить черепаху зимой? Как вырастить из птенцов канареек, которых вы видите на фотографии, настоящих певцов?

Чтобы всем вовремя ответить, мы открываем в журнале с нового года СБЮ — справочное бюро юнната. У вас еще есть время выбрать самый любопытный вопрос, который вы привезли из пионерского лагеря, туристского похода, спросить о том, что подсмотрели в лесу, на речке, в поле. Ждем ваших писем с пометкой «СБЮ». Напоминаем наш адрес: Москва, А-30. Сущевская, 21.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО СУМАТРАНУС

Как у взаправдашнего короля, у него масса титулов: величают эту рыбку и пунтиусом, и барбусом, добавляя при этом либо тетразона, либо суматранус. Изредка еще по-русски зовут усачом, намекая на дальнее родство с волжским усачом или мироном. Род барбусов и пунтиусов насчитывает свыше двухсот видов, расселенных по Африке и югу Азии. Много среди них маленьких и с виду эффектных рыбок — желанных гостей аквариума. А то, что усач с Суматры среди них — явный король, это не я придумал, это подтвердит любой знакомый с аквариумом мальчишка: уж очень он красив. И нрав у него превосходный: в мало-мальски приличных условиях он не болеет, задорен, а порою и просто озорной.

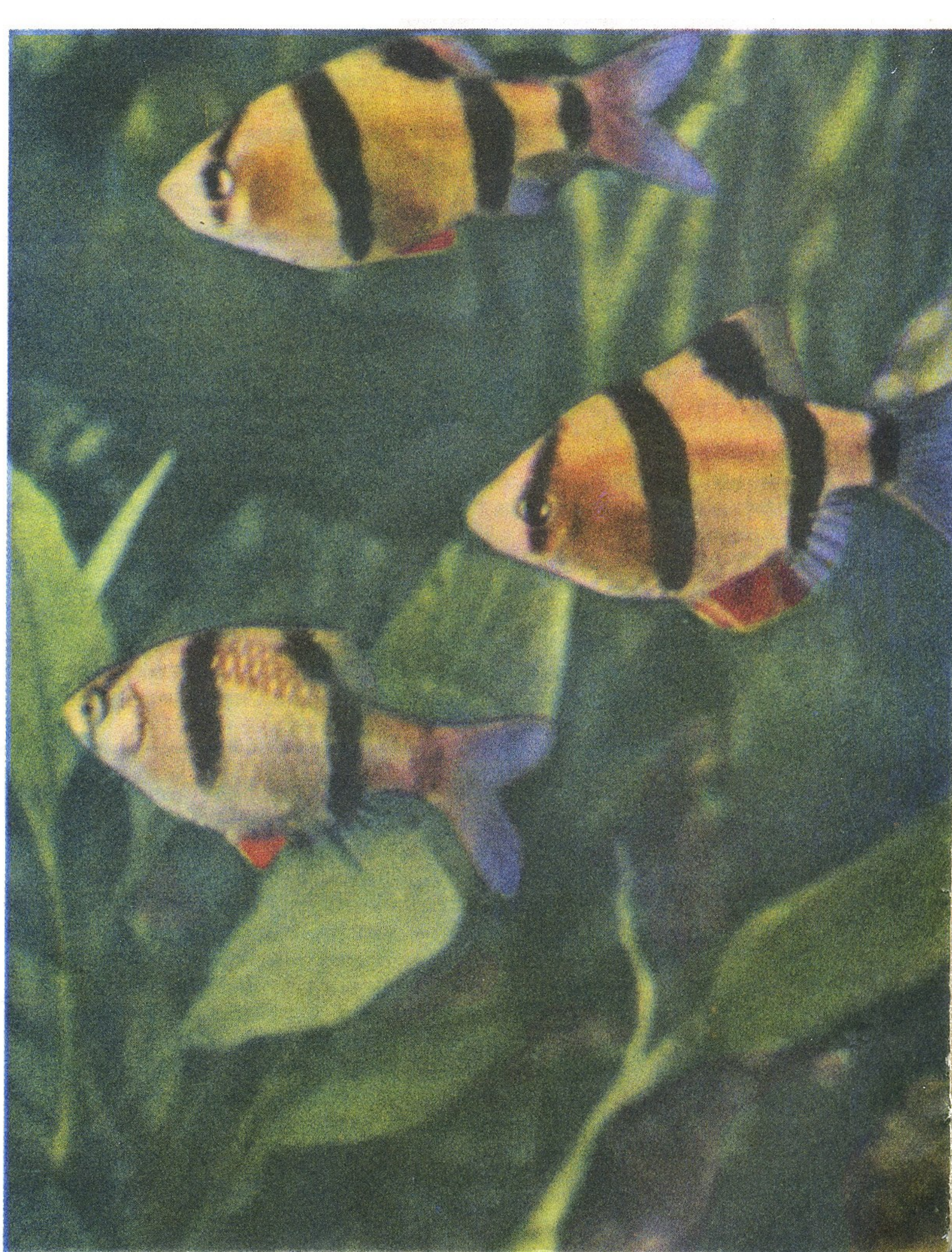
Лучше всего живут эти барбусы при озерном режиме. Вода им нужна чистая, изредка на треть сменяемая, дно — песчаное. На Суматре всегда тепло, поэтому не снижайте температуру ниже 20 градусов, верхняя же температурная граница должна быть около 30 градусов. Рыбка резвая — значит, ей нужен простор не меньше 20 литров на пару-тройку.

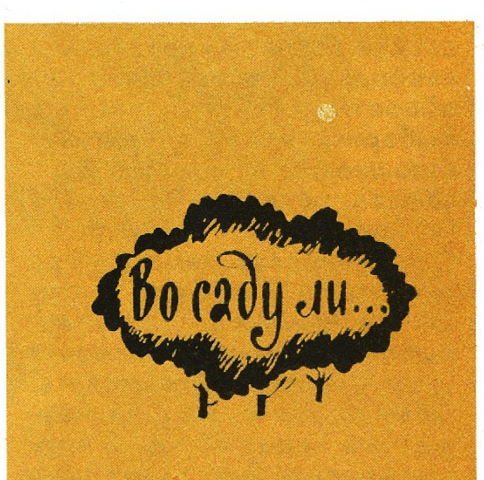
Помню годы, когда суматранус только-только у нас появился. Ох и пришлось с ним помучиться! Рыбки охотно метали икру, мальков же не получалось. А как только чуть-чуть узнали его — тотчас появились правильные описания нереста и того, как и что делать. Но и до сих пор приходится вносить поправки. Именно поэтому то, что я напишу ниже, несколько отличается от того, что писал я в своей книге «Подводный мир в комнате».

Возьмите невысокую стеклянную банку объемом не менее 10 литров. Хорошо вымойте. Налейте в нее до половины водопроводной воды, остальное пространство почти доверху заполните дистиллированной или чисто собранной дождевой. Пусть вода отстоится хотя бы неделю. Банку прикройте стеклом, иначе налетит пыль. Затем промойте хорошо несколько пучков подводных растений, заполните ими добрую половину банки и эту часть сосуда затените, другую же, свободную от растений, наоборот, осветите лампой. Выберите самку с круглым брюшком и одного-двух самцов поярче и порезвее (у них животы поджарые). Отрегулировав температуру так, чтобы она была около 27—29 градусов, посадите рыбок на нерест. Вымечут икру — сразу их выловите. Обычно это бывает не позже чем через сутки. А спустя неделю уже будут плавать мальки.

Мальков сначала кормят инфузориями, потом циклопами, а затем уже дафниями и мотылями. Любимая еда взрослых рыб — мотыль.

Ф. ПОЛКАНОВ

Осень — лучшее время для посадки ягодных культур: смородины, крыжовника, малины. У ягодников много достоинств. Они быстро вступают в пору плодоношения, урожайны, да и ухода требуют небольшого.

В каждом пришкольном саду должна расти, например, черная смородина. Ее ягоды часто называют «ягодами здоровья». Это настоящий витаминный концентрат на ветке!

В нашей стране выращивают много сортов черной смородины: Память Мичурина, Победа, Стахановка Алтая, Голубка, Алтайская десертная. Эти сорта рекомендованы к выращиванию во многих областях страны.

Сорт Память Мичурина был выведен из сеянцев черной смородины, оставшихся после И, В. Мичурина. Он привлекает приятным, слабокислым вкусом ягод. Они крупные, тонкокожие. Хороши и в свежем виде и для варенья. Кусты средней величины, зимостойкие. С них снимают по 10 килограммов ягод.

Свыше 11 килограммов ягод с куста приносит другой новый сорт — Голубка. Кусты у него мощные, зимостойкие. Сорт выведен на Алтайской плодово-ягодной опытной станции.

Крупные, приятно кисловатые ягоды у сорта Стахановка Алтая. Иные весят по 2,4 грамма.

На небольших пришкольных или приусадебных участках саженцы черной смородины в ряду высаживайте на расстоянии 1,25—1,5 метра один от другого. Между рядами оставляйте два метра.

Саженцы высаживайте в посадочные ямы диаметром и глубиной в 40 сантиметров. Для каждой ямы заготовьте по ведру либо перегноя, либо компоста или торфа, добавьте суперфосфат, древесную золу. Все это тщательно перемешайте с плодородной землей.

При посадке саженцы черной смородины высаживайте на 5—8 сантиметров глубже, чем они сидели в питомнике. Это способствует появлению дополнительных корней, лучшему росту растений. Кроме того, саженцы сажайте наклонно, под углом 45 градусов к поверхности почвы. Перед посадкой корни саженцев полезно окунуть в почвенную болтушку.

Работать лучше вдвоем. Один держит саженец в наклонном положении, расправляет корни и уплотняет почву, а другой подсыпает почву к основанию кустика. Важно, чтобы вокруг корней саженцев не осталось пустот.

После посадки сделайте лунки и под каждый куст вылейте $^1/_3$—$^1/_2$ ведра воды. Затем лунки присыпьте торфом или сухой землей: это поможет лучше сохранить влагу. После посадки саженцы обрежьте, оставив на каждом из них по три-четыре хорошо развитые почки. Такая обрезка в дальнейшем вызовет усиленное ветвление кустика.

Посадочный материал приобретайте в близлежащих плодово-ягодных питомниках. Такие питомники имеются в каждой области.

Внимательно наблюдая в саду за деревьями и кустарниками, можно заметить, что растения одного и того же сорта часто приносят разный урожай, плоды отличаются по размеру и даже созревают в разные сроки. Это клоновые различия растений одного сорта. Например, на одних яблонях сорта Пепин шафранный плоды крупные, яркие, на других — одна мелочь. Старинный русский сорт Антоновка тоже имеет разные плоды и по вкусу и по размеру. Поэтому и появились самостоятельные сорта: Антоновка полуторафунтовая (600-граммовая), Антоновка каменичка.

У распространенного сорта Осеннее полосатое (Штрейфлинг) есть клоны с сильно окрашенными (темно-красными) плодами. У вишен выделен клон Любская ранняя, а у черной смородины — Сентябрьская Даниеля, созревающая значительно позднее обычного.

Если в вашем саду есть яблони с мелкими, не очень вкусными плодами, вы можете их улучшить — перепривить. На взрослом дереве можно привить несколько десятков черенков, на молодом — пять-десять. На молодых деревьях черенки нужно прививать в скелетные ветви.

Черенки берите с лучших деревьев, поэтому сейчас, осенью, нужно отметить деревья, с которых вы возьмете черенки для перепрививки.

Золотая осень не только пора сбора урожая на огородах. Уже надо вести подготовку к подзимнему севу овощей. Многие убедились, что при подзимнем севе урожай снимают намного раньше, чем при весеннем.

На овощном участке на ВДНХ в Москве под зиму не только высевают семена, но и высаживают луковицы репчатого лука.

Работники Института питания Академии медицинских наук СССР определили, что в среднем человек в год должен потреблять 7,7 килограмма лука. А вот на городского жителя пока еще приходится только 4 килограмма в год.

Репчатый лук вкусен, полезен, в нем много витаминов и полезных веществ, например фитонцидов. Эти летучие вещества губительно действуют на вредные микробы. Даже шелуха луковицы полезна.

Очень полезна и зелень репчатого лука. И если хотите снимать ее уже в мае, луковицы высаживайте под зиму.

Высаженные под зиму крупные луковицы укрывают соломистым навозом или торфяной крошкой. Мелкие луковички — севок — не требуют такого укрытия. Достаточно посадить их на глубину 5—7 сантиметров. Лучше всего высаживать севок диаметром от 1 до 2 сантиметров, весом 1—2 грамма.

Растения при подзимней посадке успевают хорошо использовать весеннюю влагу, яркое весеннее солнце. При такой посадке лук меньше страдает от личинок луковой мухи, он становится более устойчивым к грибковым заболеваниям.

Надо только правильно выбрать момент посадки. Главное, чтобы луковицы в земле не проросли до наступления зимы. Поэтому его высаживают дней за пять-семь до наступления устойчивого похолодания. Температура воздуха у почвы должна быть от плюс одного до нуля, а в верхних слоях почвы — от плюс одного до плюс трех градусов. В средней полосе в более северных районах обычно высаживают севок в конце октября, а в центральных районах — в начале ноября.

Для посадки раздобудьте сортовой лук. Русские северные луки пользуются заслуженной известностью. В средней полосе страны распространены такие ценные сорта репчатого лука, как Бессоновский местный, Арзамасский местный, Ростовский репчатый местный, Спасский местный, Мстерский местный и другие.

Радио несколько раз в день передавало предупреждение юным рыболовам: соблюдать осторожность при ловле морского скорпиона-дракона. Его иглы, если о них уколоться, вызывают сильную боль, появляется опухоль.

Очевидно, по этой причине безобидную рыбку, вооруженную оборонительными ядоносными шипами и иглами, жестоко убивают и безжалостно выбрасывают в море. Больше того, укоренилось мнение, что скорпион несъедобен и даже ядовит. Так ли это?

Рыбы, населяющие водоемы земного шара, по-разному приспособились к окружающим условиям. Одни для обороны и нападения вооружены мечами, пилами, электрозарядами, другие — ядоносными шипами. У нас в СССР ядовиты икра и брюшина маринки и османа, обитающих в Иссык-Куле, Балхаше и реках Аральского бассейна.

Уколы скорпиона-дракона действительно болезненны, но сама рыба совершенно безвредна. Ее мясо нежное, вкусное и малокостистое.

Скорпион — прожорливый хищник. Мне не раз доводилось ловить его вместе со ставридой не самодур. С собой я брал ножницы и вилку. Достаточно наколоть рыбу вилкой или прижать ее подметкой к слани лодки, остричь ножницами шипы и иглы, и «страшный» скорпион-дракон становится приятным трофеем в рюкзаке рыболова.

Жестокость, с какой некоторые ребята убивают о борт или давят каблуком скорпиона, ослепляет, мешает им разглядеть изящную рыбку.

НЕУДАЧНАЯ РЫБАЛКА

Как интересно ловить в океане рыбу на удочку! Вода такая чистая, прозрачная, что никакого поплавка не надо. Крючок с наживой видно, как в аквариуме, хоть на самое дно опусти. А главное — можно ловить рыбу, какую хочется. Не как в речке — жди, пока клюнет. А кто клюнул — неизвестно. В океане наоборот. Смотришь на крючок и видишь, кто к нему подошел. Если маленькая рыбешка, не давай ей наживу. Большая рыба подошла—подведи наживу к ее носу и смотри, когда клюнет.

Но в океане рыболова с удочкой подстерегает опасность. Нет, не шторм. Опасность залюбоваться рыбами. Заглядишься на них и ничего не поймаешь.

Был со мной такой случай в Атлантическом океане. Наш пароход стоял на якоре в Гвинейском заливе. Сменившись с вахты, я взял удочку и направился на корму рыбачить. Нацепил на крючок кусочек мяса и закинул удочку за борт. Крючок плюхнулся в воду и замер. Теперь он стал казаться белым шариком, застывшим в толстом голубом стекле.

Первой мой крючок увидела стайка серебристых рыбок. Рыбки, словно мошки, облепили наживу, пытаясь отщипнуть кусочки мяса. «Ишь, как стараются», — улыбнулся я, разглядывая рыбок. Однако пировать рыбкам пришлось недолго. Нет, я не выдернул крючок. Рыбки сами бросили мясо и удрали. Испугались кого-то. Но кого? Я перегнулся через борт и тотчас увидел, как в глубине что-то засверкало. Казалось, ветер поднял со дна кучку золотистых фантиков. Сверкнуло раз, сверкнуло другой, третий. Сверкало все ближе и ближе. И вот уже недалеко от крючка появились пять золотых макрелей. Тело макрели напоминает сильно вытянутую каплю. Там, где капля обрывается, •— хвост, как у ласточки. На спине от головы до самого хвоста тянется плавник гребенкой. Все пять рыбин были одинаковой длины — с полруки, обгоняли друг друга, выпрыгивали из воды, радуясь солнцу, и не замечали моего крючка с мясом. Мне бы подвинуть его поближе к рыбам, а я, залюбовавшись ими, забыл.

Но что это? Макрели вдруг перестали играть. Замерли. Потом, словно сговорившись, разом метнулись в сторону. Под крючком пронеслись две большие рыбы, похожие на торпеды. Они развернулись и, сбавив скорость, подплыли к самому борту. Тут я и узнал их. Это же тунцы! Сильным, гибким хвостом они легко двигали свое тело. Сейчас они плыли не торопясь. Но если тунцы почуют опасность, они могут мчаться так быстро — на катере не догонишь. А какие они вырастают огромные!

Записки натуралиста

Поверить трудно. Однажды рыбаки поймали тунца весом с целую корову! Еле на палубу подняли.

«Эх, поймать бы одного», — спохватился я и взялся за удочку. Но в ту же минуту я увидел небольшую полосатую рыбешку. Она смело проскочила под носом у тунцов. «Куда же ты! — чуть не крикнул я рыбешке. — Ведь слопают тебя тунцы». Но тунцы и не подумали нападать на рыбешку. Напротив, завидя ее, они насторожились. Несколько мгновений тунцы будто прислушивались к чему-то, соображали. Затем круто изогнулись и ринулись прочь. «Что это они? — удивился я. — Кого испугались?» Я всматривался в воду. Ничего страшного там не было видно. Только полосатая рыбешка вертелась у крючка. Рыбешка ткнула носом наживу. Понюхала. Потом отщипнула кусочек мяса и скрылась в глубине. «Ну, вот, все и разбежались». — огорчился я, глядя на одинокий крючок.

И вдруг в том месте, где скрылась полосатая рыбешка, появилась черная тень. Тень быстро поднималась. Еще секунда... и тень, превратившись в акулу, всплыла на поверхность. Я вздрогнул. Из воды маленькими глазками на меня смотрела страшная акулья морда. Акула уставилась на меня и будто прикидывала, стоит бояться или нет.

Я тоже смотрел на акулу. Верхний плавник черным парусом торчал из воды. Зубастая пасть то открывалась, то закрывалась. Казалось, акула лениво жует резинку. На мгновенье я представил себе, что будет со мной, упади я сейчас за борт. Мурашки побежали по спине. Ведь это была голубая акула-людоед. Я крепко вцепился в поручни.

Убедившись, что я ничего ей не сделаю, акула двинула хвостищем и начала описывать дугу вокруг крючка.

И тут я снова увидел полосатую рыбешку. Увидел и догадался: ведь это лоцман! Так вот почему испугались тунцы. Они знали: появилась она, надо удирать — акула рядом. Рыба-лоцман всегда плавает с акулой. Она лакомится с акульего «стола». А еще рыба-лоцман помогает акуле искать еду, наводит акулу на добычу. Вот и сейчас, пока акула делала круг, рыба-лоцман вертелась возле крючка с мясом. Потом она подплыла к акуле, к самой морде, и будто шепнула ей что-то. Акула остановилась. Чуть-чуть отошла назад. И вдруг стрелой бросилась на крючок. Раз! И крючок с мясом исчез в страшной пасти.

Акула ударила хвостом, поднимая фонтан брызг, рванулась и вместе с удочкой исчезла в глубине.

Опустив голову, я поплелся в каюту.

И. МЕЛЬНИКОВ

Атлантика — Москва

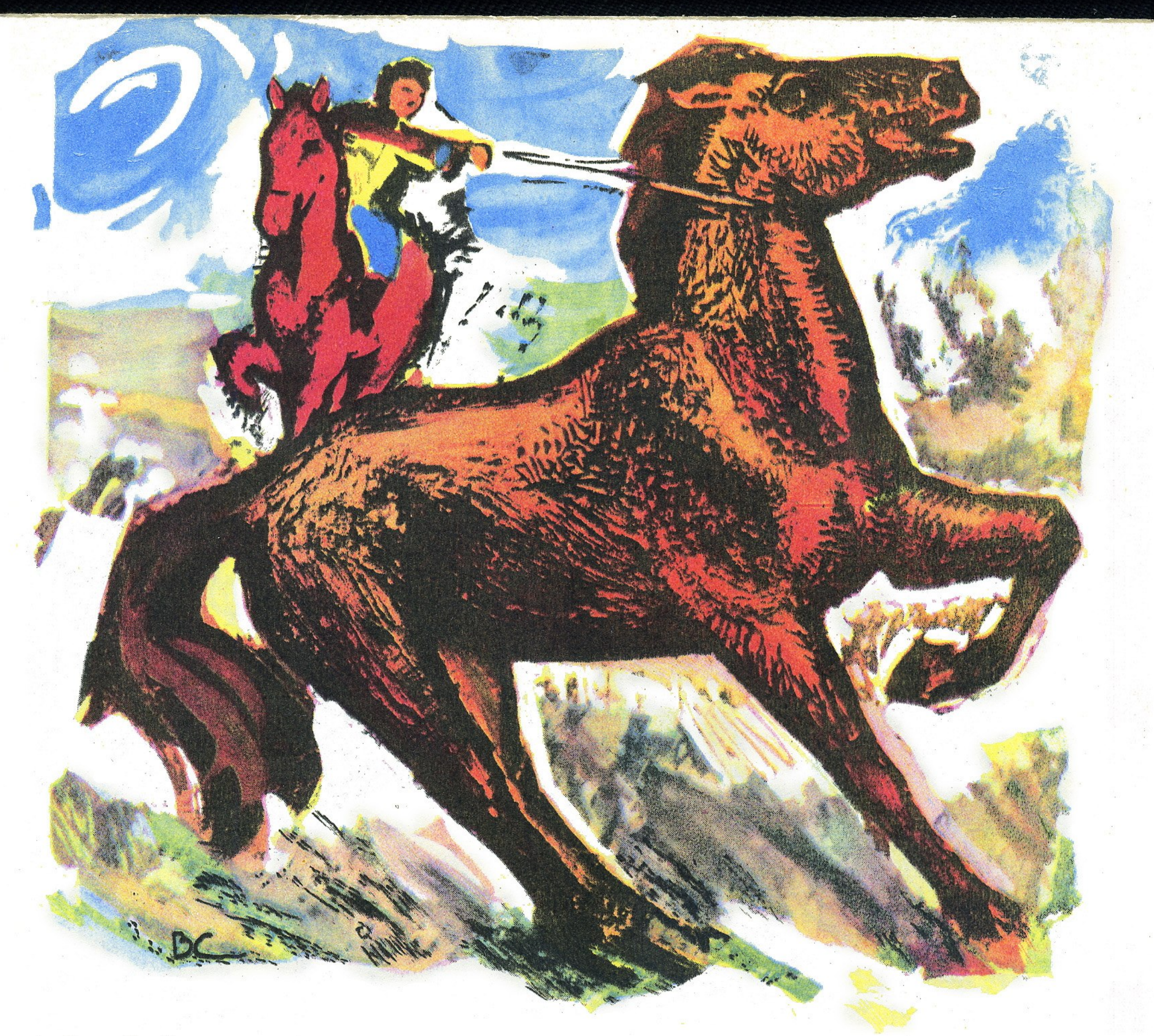

Рис. В. Симонова

ВОЛШЕБНЫЕ КОПЫТА

Брат Дорлинга был у себя в краю знаменитым арканщиком. Дорлинг гордился братом, любил скакать рядом с арканом в руках.

Однажды рано утром брат сказал Дорлингу:

— А ну, братишка, пригони своего буланого. Хватит ему гулять. Ведь ему уже два года. Пора и его учить верховой езде.

Дорлинг вскочил в седло и вскоре пригнал буланого вместе с другими лошадьми.

Однако буланый даже не приблизился к ограде, а выскочил из табуна и помчался в степь.

Брат собрал весь табун воедино и внезапно, как коршун на воробья, налетел на буланого. Табун разбежался, а буланый, заарканенный, остался стоять, дрожащий, напрягший все свои мускулы. Но вот он встал на дыбы, а передними копытами стал перебирать пустоту, словно искал невидимую лестницу. И тут вдруг из-под копыт буланого фонтаном ударила вода.

— Вода!

Дорлинг не успел от удивления протереть глаза, как она залила неглубокую колдобину.

Дорлинг решил, что копыта двухлетнего коня могут открывать родники. А все-таки очень хорошо иметь родник. Однако больше, как ни старался, такого не получалось. Тогда Дорлинг спросил брата:

— Почему из-под копыт моего коня не бьют больше ключи?..

— Глупыш ты, — ласково отозвался брат, — ведь не копыта коня открыли ключ. Подземная вода настолько сильно напирала, что в любую минуту готова была прорваться сама на поверхность. Вот когда ты станешь взрослым и овладеешь знаниями, то своими руками сможешь открывать не только родники, а целые моря, чтобы превратить пустыню Гоби в цветущий сад. Только сделаешь ты это не копытами лошадей, а современной техникой.

Ж. ШАГДАР

Улан-Батор

ПТИЦА С ЧУТЬЕМ СОБАКИ

Эта диковинная птица живет только в Новой Зеландии и является потомком очень древних животных. Ростом она примерно с нашу курицу, а весит около двух килограммов.

Маорийцы, первыми заселившие Новую Зеландию около 600 лет назад, назвали ее киви — за тонкий и протяжный звук, который она издает: «...ки-уи... ки-уи...»

Эта птица особенная, и во многих отношениях необыкновенная. Крыльев у нее нет — киви не летает. Зато у птицы сильные, большие ноги, и она очень быстро и бесшумно бегает. Ее длинные, мягкие и шелковистые серовато-коричневые перья больше похожи на мех. Они не имеют «бородок» и свободно свисают с тела птицы. Довольно густые «усы» напоминают крысиные. У киви нет даже подобия хвоста и копчиковой железы. Нет у нее и киля на грудине и ключиц, а значит, и сильных летательных мускулов, как у всех птиц. На больших ногах киви три крупных пальца направлены вперед, а четвертый, небольшой, — назад. Он снабжен острым когтем и похож на шпору петуха. Киви очень крепко бьет своими сильными ногами, когда защищается или дерется с соперниками.

Ни у одной птицы земного шара нет такого необыкновенного клюва. Клюв у киви длинный, изогнутый, около 20 сантиметров. На самом его кончике — две дырочки: ноздри, к которым от мозга, словно два тоненьких провода, тянутся обонятельные нервы. Это и позволяет киви в буквальном смысле «вынюхивать» свою добычу. Кроме того, клюв киви — это и осязательный орган.

Живег киви на земле в труднопроходимых лесных чащах, скрываясь под корнями деревьев и даже в норах, которые роет сама.

Она ведет скрытный образ жизни. Питается птица только ночью насекомыми, личинками, улитками и земляными червями. С фырканьем, сопеньем и какими-то «нюхающими» звуками, скорее похожими на звуки небольшого зверька, но никак не птицы, разыскивает киви этих животных под опавшими листьями, между корнями деревьев.

У киви очень тонкий слух, а вот зрение слабое. Она близорука и видит не далее чем на 1,5—2 метра. Если бы киви вела дневной образ жизни, то ей нужны были бы сильные очки. Но днем она спит.

Раз в год, весной, прячась в своей норе, самка откладывает одно или два зеленовато-белых крупных яйца. По сравнению с размерами и весом самой птицы яйца киви — самые крупные на земном шаре. Они достигают $^1/_5$ веса и $^1/_4$ размера самки — 14 сантиметров в длину. Даже у самой большой птицы современности — африканского страуса вес яйца составляет всего лишь $^1/_{60}$ веса самки, а у самой маленькой — колибри — $^1/_8$.

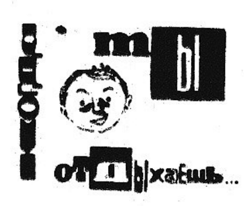
Высиживание и забота о потомстве возложены на отца. Если потревожить его в это время, он свирепо шипит и даже рычит, словно кошка. Ночью всего на несколько минут самец выходит из норы, чтобы наспех поесть, и быстро возвращается. Так что он сильно худеет, пока исполняет свои обязанности.

Через 2,5 месяца на свет появляется довольно крупный цыпленок. Посмотришь на него — настоящий киви. Только ростом поменьше, да перья немного темнее, чем у взрослых птиц. Проходит шесть дней, птенцы покидают нору и начинают сами добывать себе пищу. Еще через неделю они уже могут быстро бегать и защищаться от врагов своими сильными ногами. Но окончательно оставляют отца они лишь через несколько недель.

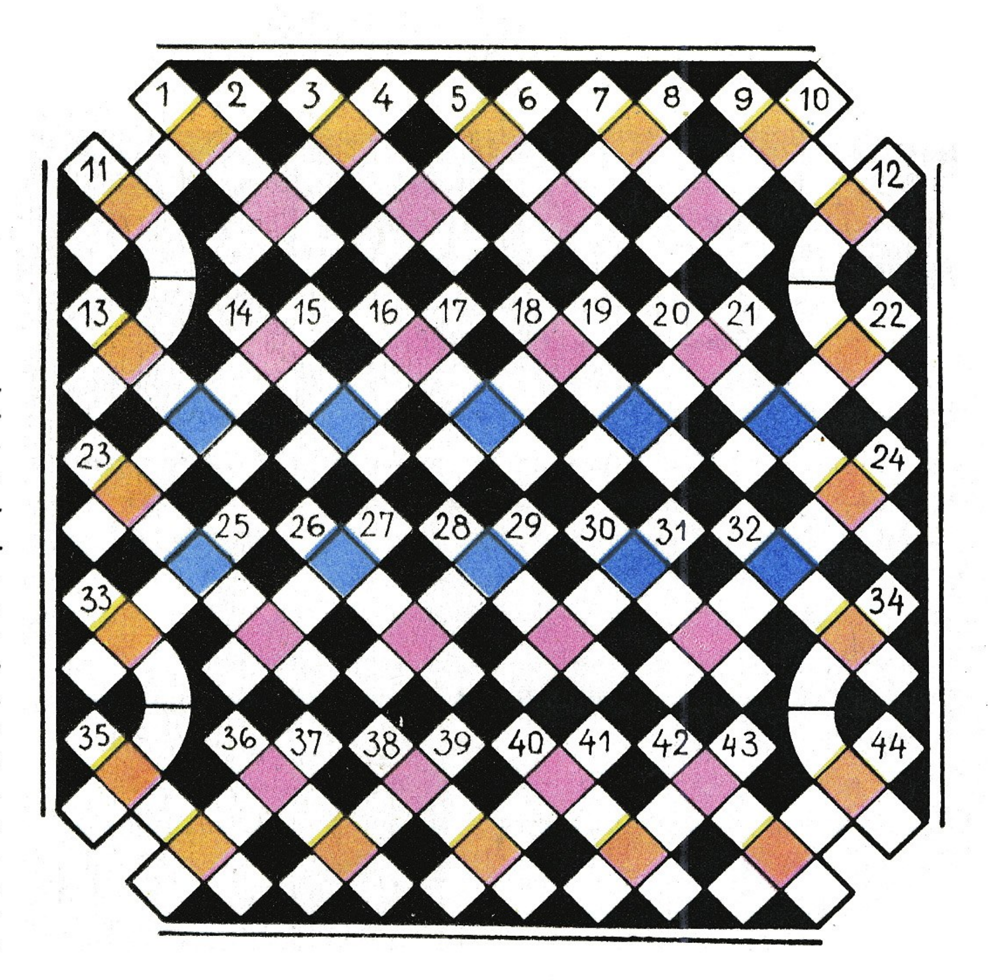
Киви — моногамы. Самец один раз в жизни выбирает себе подругу и остается с ней до конца своих дней. А живут птицы довольно долго. Даже в неволе по 30 лет.

Когда маорийцы впервые высадились в Новой Зеландии, их привлекло огромное количество киви, и они начали охотиться на птиц. Охотились они ночью с факелами и маленькими собачками, которых привезли с собой на остров, где ранее не было никаких четвероногих хищников. Мясо киви стало самым любимым блюдом маори. Прекрасный вкус его быстро оценили и европейцы, а пирог с мясом этой птицы был украшением стола белых людей. Несчастных птиц стали беспощадно уничтожать, В конце концов был принят строгий закон, категорически запрещающий охоту на киви.

Сейчас в лесах Новой Зеландии живет лишь три вида этих птиц. Несмотря на все принятые меры, число их постепенно снижается. Киви можно считать постепенно вымирающим животным.

КРОССВОРД

1. Кольчатый тюлень. 2. Африканская антилопа. 3. Хищная птица, питающаяся рыбой. 4. Парнокопытное животное семейства жирафовых. 5. Тропический дятел. 6. Аквариумная рыбка. 7. Северная птица, представитель «птичьих базаров». 8. Камчатский бобр. 9. Птица, полезная уничтожением различных вредных насекомых. 10. Белый журавль. 11. Степная газель. 12. Кольчатый червь. 13. Один из видов зайцев. 14. Лососевая рыба. 15. Дневная бабочка. 16. Крупное пресмыкающееся. 17. Североамериканский дикий бык. 18. Узконосая обезьяна. 19. Пернатый хищник. 20. Порода домашних собак. 21. Горное млекопитающее. 22. Пресноводная рыба. 23. Карповая рыба, из чешуи которой изготовляется искусственный жемчуг. 24. Хищник семейства кошачьих. 25. Полуобезьяна. 26. Американский страус. 27. Пушной зверек. 28. Непарнокопытное животное Азии и Америки. 29. Ценная промысловая рыба. 30. Мелкое кишечнополостное животное пресноводных водоемов. 31. Болотная птица. 32. Осьминог. 33. Аквариумная рыбка. 34. Настоящий угорь. 35. Насекомое, близкое к семейству настоящих пчел. 36. Хищное животное. 37. Птица отряда голенастых. 38. Индийский медведь. 39. Сосвинская сельдь. 40. Двукрылое насекомое. 41. Азиатский заяц. 42. Ядовитая змея. 43. Разновидность летучих мышей. 44. Мадагаскарский лемур.

Составил
З. КОЗЛОВ

Главный редактор А. А. Виноградов

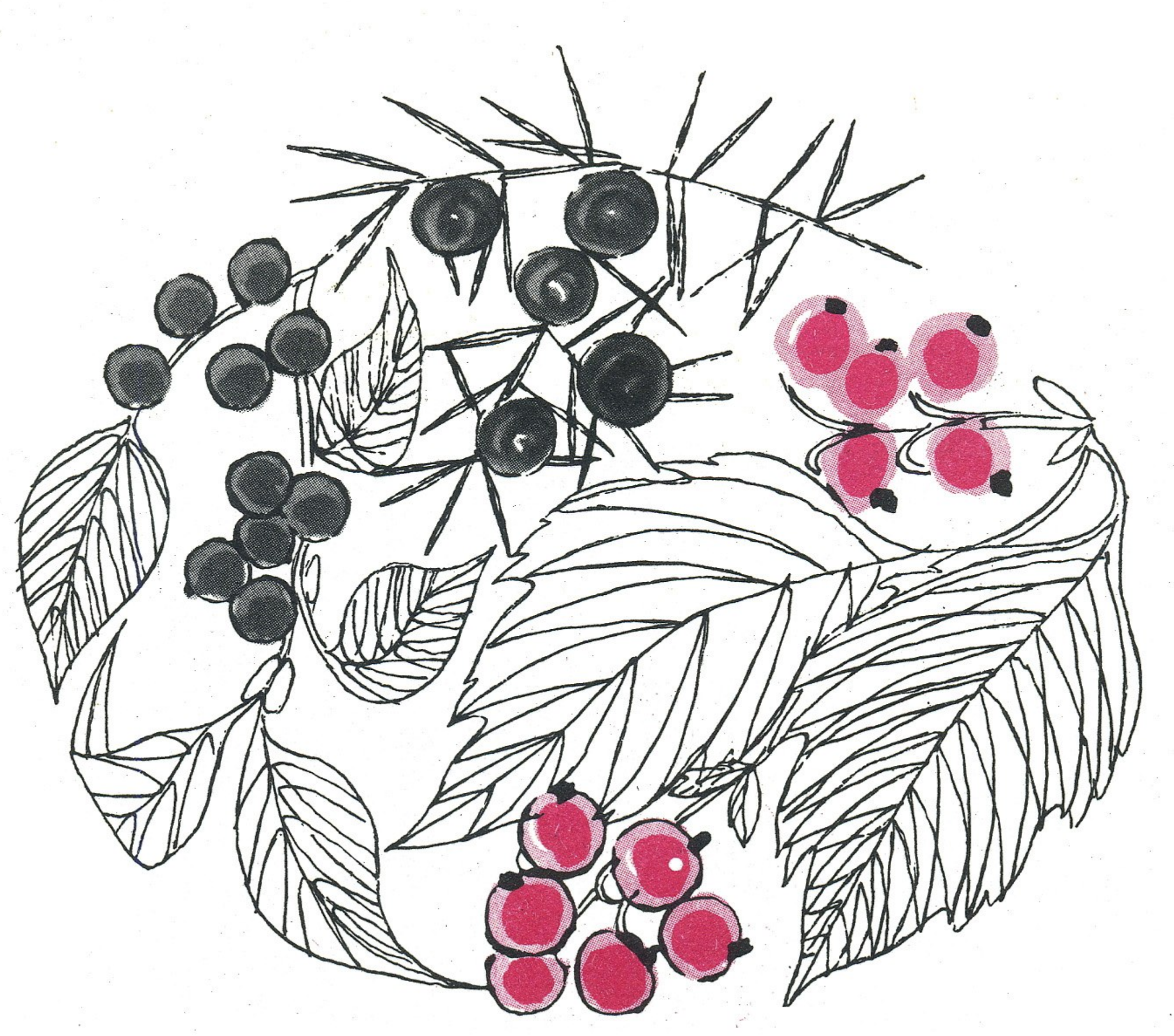
Редколлегия: Васильева Л. В., Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А.. Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шманкевич А. П., Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор В. Н. Савельева

Сдано в набор 8/VII 1968 г. Подп. к печати 9/VIII 1968 г. А04624. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 340 000 экз. Заказ 1374. Цена 20 коп.
Рукописи не возвращаются.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

Первый месяц красавицы осени. До середины сентября идет массовый рост белых грибов и подберезовиков, а дубовик будет расти до октября. Подосиновик — тоже. Грибникам самое раздолье! Созрело в лесу и много новых лекарственных ягод и плодов. Начинается массовый сбор плодов боярышника кроваво-красного, ягод жестера слабительного и можжевельника обыкновенного, плодов солянки Рихтера. Сбор ягод бузины черной заканчивают, а вот плоды лимонника собирают до самой поздней осени. Желуди дуба черешчатого тоже необходимо собирать. Еще не поздно вести заготовку травы хвойника среднего и хвощевого (эфедра) и анабазиса безлистного. Не забудьте об ольховых шишках; их применяют в медицине. Продолжайте собирать споры ликоподия, кукурузные рыльца, рожки спорыньи и цветы полыни цитварной.

И все-таки основные заботы сборщиков лекарственных растений в сентябре связаны с заготовкой всевозможных целителей — корней и корневищ. Начнутся поиски и аира болотного, и алтея лекарственного, и девятисила высокого, и дягиля аптечного, и кровохлёбки, и лапчатки прямостоячей, и лопухов — большого и войлочного. Все растения трудно перечислить. Да это и не так важно. Главное, чтобы вы сами поддерживали тесную связь с местными заготовителями потребительской кооперации и получали от них советы — какие виды растений надо собирать в вашей местности прежде всего. Сезон сбора дикорастущих хозяйственно ценных и лекарственных растений подходит к концу. Желаем всем участникам Всесоюзного конкурса больших успехов на финише.

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ

